НАУЧНО–ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ISSN 2411–0590 (Print)
ISSN 2782–277X (Online)

ВИКТИМОЛОГИЯ

VICTIMOLOGY

2021. Т. 8, № 3

ВИКТИМОЛОГИЯ — рецензируемый научно-практический журнал, в котором регулярно публикуются исследования актуальных проблем виктимологии.

Цель журнала — создание единой научной площадки для исследований в области виктимологии, развитие данного научного направления.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

МАЙОРОВ А. В. Канд. юрид. наук, Челябинский государственный университет (ЧелГУ), г. Челябинск

КОМПЬЮТЕРНАЯ ВЕРСТКА

ВОРОНИН С. В.
редакция журнала, г. Челябинск

ПЕРЕВОД:

МАРТЫНОВА М. А.
редакция журнала, г. Челябинск

УЧРЕДИТЕЛИ

ООО «Эскуэла»
ООО «Южно-Уральский юридический вестник»

ИЗДАТЕЛЬ

ООО «Эскуэла»
454080, г. Челябинск,
ул. Коммуны, 139-39.

РЕДАКЦИЯ

454080, г. Челябинск, пр. Ленина, 76.
Издательский центр,
тел.: +7 (908) 570-73-15.
E-mail: **victimologiy@mail.ru.**

Журнал индексируется в библиографической базе данных «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ) на платформе научной электронной библиотеки eLIBRARY.RU.

Полнотекстовые версии статей, опубликованных в журнале, размещены в научной электронной библиотеке «КиберЛенинка» — www.cyberleninka.ru.

Сайт журнала: **www.victimolog.ru**

Журнал основан в 2014 г., выходит 4 раза в год.

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Свидетельство ПИ № ФС 77–57507 от 27.03.2014)

Ответственность за аутентичность и точность цитат, имен, названий и иных сведений, а также за соблюдение законов об интеллектуальной и иной собственности несут авторы публикуемых материалов.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

5. Социальные и гуманитарные науки
5.1. Право; 5.1.4. Уголовно-правовые науки (Юридические науки)

КВАШИС В.Е. (науч. редактор). Д-р юрид. наук, проф., ВНИИ МВД России (Россия, г. Москва)

ВИШНЕВЕЦКИЙ К.В. Д-р юрид. наук, профессор, Краснодарский университет МВД России (Россия, г. Краснодар)

ВОРОНИН Ю.А. Д-р юрид. наук, профессор, ЮУрГУ (Россия, г. Челябинск)

ГЕНРИХ Н.В. Д-р юрид. наук, проф., РГУП (Россия, г. Москва)

ГИЛИНСКИЙ Я.И. Д-р юрид. наук, проф., РГПУ им. А. И. Герцена (Россия, г. Санкт-Петербург)

КАБАНОВ П.А. (председатель). Д-р юрид. наук, профессор, Казанский инновационный университет им. В. Г. Тимирясова (Россия, г. Казань)

САБИТОВ Р.А. Д-р юрид. наук, профессор, ЧелГУ (Россия, г. Челябинск)

ФЕЩЕНКО П.Н. Канд. юрид. наук, МГЮА им. О.Е. Кутафина (Россия, г. Киров)

ЮЗИХАНОВА Э.Г. Д-р юрид. наук, проф., Тюменский институт повышения квалификации сотрудников МВД России (Россия, г. Тюмень)

5.3. Психология; 5.3.9. Юридическая психология и психология безопасности (Психологические науки)

АНДРИЕНКО Е.В. Д-р пед. наук, профессор, Новосибирский государственный педагогический университет (Россия, г. Новосибирск)

БАЗЕЛЮК В.В. Д-р пед. наук, проф., ЮУрГУ (Россия г. Челябинск)

ИОГОЛЕВИЧ Н.И. Д-р психол. наук, профессор, Тюменский индустриальный университет (Россия г. Тюмень).

КОСТЕНОК П.И. Д-р пед. наук, профессор, Уральский государственный университет физической культуры (Россия, г. Челябинск)

СИНЯКОВА М.Г. Д-р психолог. наук, доцент, Уральский институт Государственной противопожарной службы МЧС России (Россия, г. Екатеринбург)

ТАНАЕВА З.Р. Д-р пед. наук, доцент, ЮУрГУ (Россия, г. Челябинск)

ЦИРИНГ Д.А. Д-р психол. наук, проф., ЧелГУ (Россия, г. Челябинск)

ЯЩЕНКО Е.Ф. Д-р психолог. наук, доцент, Петербургский государственный университет путей сообщения Императора Александра I (Россия, г. Санкт-Петербург)

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ЭКСПЕРТЫ

ВАРИ В. PhD, доцент, Национальный университет государственной службы, факультет Правоохранительной деятельности (Венгрия, г. Будапешт)

КАРОВИЧ С. PhD — уголовное право, доцент Университет в Травнике, Юридический факультет (Босния и Герцеговина)

МАТЬЯШ С. PhD, доцент Национальный университет государственной службы, факультет Правоохранительной деятельности (Венгрия, г. Будапешт)

РАЙЕДЖИАН АСЛИ М. PhD — уголовное право и криминология, доцент Институт исследований и развития гуманитарных наук (SAMT), факультет Права и юриспруденции, декан (Иран)

© Редакция журнала «ВИКТИМОЛОГИЯ», 2021.

SCIENTIFIC & PRACTICAL JOURNAL VICTIMOLOGY

ISSN 2411–0590 (Print)
ISSN 2782–277X (Online)

VICTIMOLOGY

VIKTIMOLOGIYA

2021. Vol. 8, no 3

VICTIMOLOGY is a peer-reviewed scientific and practical journal that regularly publishes research on current problems of victimology.

The purpose of the journal is to create a unified scientific platform for research in the field of victimology, the development of this scientific direction.

CHIEF EDITOR

A. V. MAYOROV. Cand. Sci. (Law), Chelyabinsk State University (CSU), Chelyabinsk, Russian Federation

DESKTOP PUBLISHING

S. V. VORONIN
editorial staff, Chelyabinsk

TRANSLATION

M. A. MARTYNOVA.
editorial staff, Chelyabinsk

THE FOUNDERS

Escuela LLC

South Ural Legal Bulletin LLC

PUBLISHER

Escuela LLC
139 Kommuny Str., of. 39
Chelyabinsk 454080,
Russian Federation.

EDITORIAL OFFICE

Publishing Center
76 Lenina ave., Chelyabinsk 454080,
Russian Federation.
Phone: +7 (908) 570-73-15
E-mail: **victimologiy@mail.ru.**

The journal is indexed in the bibliographic database "Russian Science Citation Index" (RSCI) on the scientific electronic library platform eLIBRARY.RU.

Full-text versions of articles published in the journal are available in the scientific electronic library CyberLeninka — www.cyberleninka.ru.

Journal site: **www.victimolog.ru**

The journal was founded in 2014 and is published 4 times a year.

The journal is registered with the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (certificate PI #FS 77-57507 from 27.03.2014)

The authors of the published materials are responsible for the authenticity and accuracy of citations, names, titles and other information, as well as for compliance with the intellectual property law.

EDITORIAL BOARD

(Legal Sciences)

V.Ye. KVASHIS, scientific editor. Dr. Sci. (Law), Prof., All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russian Federation

K.V. VISHNEVETSKIY. Dr. Sci. (Law), Prof., Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Krasnodar, Russian Federation

Yu.A. VORONIN. Dr. Sci. (Law), Prof., South Ural State University (SUSU), Chelyabinsk, Russian Federation

N.V. GENRIKH. Dr. Sci. (Law), Prof., Russian State University of Justice, Moscow, Russian Federation

Ya.I. GILINSKIY. Dr. Sci. (Law), Prof., Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, Russian Federation

P.A. KABANOV, chairman. Dr. Sci. (Law), Prof., V. G. Timiryasov Kazan Innovative University (IEML), Kazan, Russian Federation

R.A. SABITOV. Dr. Sci. (Law), Prof., Chelyabinsk State University (CSU), Chelyabinsk, Russian Federation

P.N. FESHCHENKO. Cand. Sci. (Law), Assoc. Prof., O. E. Kutafin Moscow State Law University (MSLA), Kirov, Russian Federation

E.G. YUZIKHANOVA. Dr. Sci. (Law), Prof., Tyumen Institute of Advanced Training of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Tyumen, Russian Federation

(Psychological Sciences)

Ye.V. ANDRIENKO. Dr. Sci. (Ped.), Prof., Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russian Federation

V.V. BAZELYUK. Dr. Sci. (Ped.), Prof., South Ural State University, (SUSU) Chelyabinsk, Russian Federation

N.I. IOGOLEVICH. Dr. Sci. (Psy.), Prof., Tyumen Industrial University, Tyumen, Russian Federation

P.I. KOSTENOK. Dr. Sci. (Ped.), Prof., Ural State University of Physical Culture, Chelyabinsk, Russian Federation

M.G. SINYAKOVA. Dr. Sci. (Psy.), Assoc. Prof., Ural Institute of the State Fire Service of the Ministry of Emergency Situations of Russia, Yekaterinburg, Russian Federation

Z.R. TANAEVA. Dr. Sci. (Ped.), Assoc. Prof., South Ural State University, (SUSU) Chelyabinsk, Russian Federation

D.A. TSIRING. Dr. Sci. (Psy.), Prof., Chelyabinsk State University (CSU), Chelyabinsk, Russian Federation

Ye.F. YASHCHENKO. Dr. Sci. (Psy.), Assoc. Prof., Emperor Alexander I St. Petersburg State Transport University, St. Petersburg, Russian Federation

INTERNATIONAL EXPERTS

V. Vari. PhD, Assoc. Prof., Faculty of Law Enforcement, National University of Public Service in Budapest, Hungary

S. Karovic. PhD in Criminal Law, Assoc. Prof., Faculty of Law, University in Travnik, Bosnia and Herzegovina

S. Matyas. PhD, Assoc. Prof., Faculty of Law Enforcement, National University of Public Service in Budapest, Hungary

M. Rayejian Asli. PhD in Criminal Law & Criminology, Assoc. Prof., Dean of Department of Law & Jurisprudence, Institute for Research & Development in Humanities (SAMT), Iran

© Editorial Board of VICTIMOLOGY, 2021.

СОДЕРЖАНИЕ

КОЛОНКА РЕДАКТОРА

10-летие кафедры прокурорского надзора
и организации правоохранительной деятельности
Института права ФБГОУ ВО «ЧелГУ». 195

ПОТЕРПЕВШИЕ ОТ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

БИТЮЦКИХ Д. Д., ЕГОРОВ О. Н.

Жертва преступления: клеймо или стечение обстоятельств 198

ВИКТИМОЛОГИЯ ПРЕСТУПНОСТИ

СУМАЧЕВ А. В., ТЕМНИКОВА О. Н.

Провоцирующее поведение детей
как основание реализации родительской власти. 206

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ПРЕСТУПНОСТИ

ИГРАЧКИ Ж., КАРОВИЧ С.

Коррупция и отмывание денег как правовые и социальные явления:
причины, феноменология, последствия 213

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

ДУНАЕВА О. Н.

Преодоление насилия в семье в современном Китае.
Гендерная политика и эволюция семейно-брачного законодательства
(часть 1) 226

ТОТ Н. А.

Спорт и безопасность — новые технологии 242

РЕЦЕНЗИИ

ШУТОВА А. А.

Рецензия на монографию «Бегишев И. Р. Автономная робототехника
в системе уголовно-правовых отношений. Москва : Проспект, 2022. 160 с.» 255

СОДЕРЖАНИЕ

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА

БЕГИШЕВ И. Р.

Бегишев И. Р. Уголовно-правовое регулирование робототехники : монография. Москва : Проспект, 2022. 320 с. 264

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Правила представления рукописей статей в научный журнал «ВИКТИМОЛОГИЯ» 266

CONTENTS

EDITOR'S COLUMN

10th Anniversary of the Department
of Prosecutorial Supervision and Organization of Law Enforcement
Institute of Law Chelyabinsk State University 195

THE VICTIM OF THE CRIME

BITYUTSKIKH D. D., YEGOROV O. N.

Victim of Crime: Stigma or Concatenation of Circumstances 199

VICTIMOLOGY OF CRIME

SUMACHEV A. V., TEMNIKOVA O. N.

Provoking Behavior of Children
as a Basis for the Implementation of Parental Authority 207

CRIME PREVENTION

IGRAČKI J., KAROVIĆ S.

Corruption and Money Laundering as Legal and Social Phenomena:
Causes, Phenomenology, Consequences 212

FOREIGN EXPERIENCE

DUNAYEVA O. N.

Overcoming Domestic Violence in Contemporary China.
Gender Policy and the Evolution of Family and Marriage Law
(part 1) 227

TÓTH N. Á.

Sport and Security—New Technologies 241

REVIEWS

SHUTOVA A. A.

Review of the monograph: Begishev I. R. «Autonomous Roboticsin the System
of Criminal Law Relation» 256

CONTENTS

SCIENCE LIBRARY

BEGISHEV I. R.

Begishev I. R. Criminal law regulation of robotics :
Monograph. Moscow : Prospekt, 2022. 320 p. (in Russ.) 264

INFORMATION FOR AUTHORS

Terms of manuscripts of articles
in the scientific journal VICTIMOLOGY 266

V КОЛОНКА РЕДАКТОРА

Редакционная статья

10-летие кафедры прокурорского надзора и организации правоохранительной деятельности Института права ФГБОУ ВО «ЧелГУ»

Аннотация. Статья подготовлена к 10-летию создания кафедры прокурорского надзора и организации правоохранительной деятельности Института права ФГБОУ ВО «Челябинский государственный университет».
Ключевые слова: кафедра прокурорского надзора и организации правоохранительной деятельности, правоохранительная деятельность, прокурорская деятельность, прокурорская и правозащитная деятельность

Editorial

10th Anniversary of the Department of Prosecutorial Supervision and Organization of Law Enforcement Institute of Law Chelyabinsk State University

Abstract. Article is prepared for the 10th anniversary of the creation of the Department of Prosecutorial Supervision and Organization of Law Enforcement of the Institute of Law of Chelyabinsk State University.
Keywords: Department of prosecutorial supervision and organization of law enforcement activity, law enforcement activity, prosecutorial activity, prosecutorial and law enforcement activity

В 2011 году в соответствии с приказом ректора ФГБОУ ВО «Челябинский государственный университет» от 05 октября 2011 г. № 353 была создана новая структурная единица Института права кафедра прокурорского надзора и организации правоохранительной деятельности. Основными приоритетами в развитии кафедры стали: привлечение к образовательной деятельности преподавателей, имеющих опыт практической работы, развитие научно-исследовательской деятельности кафедры и повышение публикационной активности профессорско-преподавательского состава, а также открытие новых направлений в реализации образовательных программ.

К реализации учебного процесса были привлечены преподаватели имеющие ученые степени, опыт преподавательской работы по подготовке сотрудников органов внутренних дел, а также практический опыт работы в правоохранительных органах. В первые годы создания кафедры ее основным направлением в подготовке специалистов стала реализация образовательной программы по специальности 40.05.02 «Правоохранительная деятельность».

С 2017 года на кафедре прокурорского надзора и организации правоохранительной деятельности была открыта профильная магистерская программа «Прокурорская и правозащитная деятельность» по направлению 40.04.01 «Юриспруденция». Реализуемая под руководством профессора кафедры Д. Ю. Гончарова магистерская программа напрямую соответствует профилю кафедры и нацелена на повышение степени удовлетворения образовательных потребностей в подготовке специалистов высокого уровня в Уральском регионе.

В 2018 году на кафедре прокурорского надзора и организации правоохранительной деятельности, в рамках начала подготовки специалистов по новой специальности в Институте права 40.05.04 «Судебная и прокурорская деятельность», была открыта специализация «Прокурорская деятельность», что способствовало увеличению учебной и методической нагрузки и расширению кадрового состава кафедры.

Практически каждый год ряды кафедры пополняются новыми сотрудниками — специалистами в различных областях юриспруденции, к учебному процессу регулярно привлекаются специалисты-практики из числа руководящего состава структурных подразделений региональных правоохранительных органов. Имея сплоченный коллектив научно-педагогических работников, профессионалов своего дела, под руководством заведующего кафедрой Майорова Андрея Владимировича, кафедра прокурорского надзора и организации правоохранительной деятельности обладает достаточным авторитетом в вузовской среде университета.

Сегодня на кафедре уделяется достаточно внимания учебно-методической работе в обеспечении учебного процесса по реализации трех образовательных программ: 40.05.02 «Правоохранительная деятельность», специализация «Административная деятельность» (с 2021 года «Административная деятельность полиции»); 40.05.04 «Судебная и прокурорская деятельность», специализация «Прокурорская деятельность» и магистерская программа «Прокурорская и правозащитная деятельность» по направлению 40.04.01 «Юриспруденция». Материально-техническое обеспечение кафедры соответствует требованиям ФГОС ВО по реализации указанных программ, за кафедрой закреплены спецкабинеты: лазерный тир, кабинет спецтехники и тактико-специальной подготовки.

Уровень квалификации и подготовки научно-педагогических работников позволяет использовать дистанционные образовательные технологии и электронные образовательные системы в учебном процессе. Научно-педагогическим составом кафедры

подготовлено около 300 научных статей в российских и зарубежных научных журналах, опубликовано порядка 40 учебных и учебно-методических пособий по дисциплинам кафедры, подготовлено 13 монографий, принято участие в конференциях различного уровня.

5 октября 2021 кафедре прокурорского надзора и организации правоохранительной деятельности исполняется 10 лет со дня ее основания. Свой первый юбилей кафедра прокурорского надзора и организации правоохранительной деятельности отмечает уверенно занимая лидирующие позиции в образовательной сфере по подготовке будущих правоохранителей и прокурорских работников в Уральском регионе. Кадровый состав кафедры, имеющий многолетний опыт практической работы в правоохранительной и образовательной деятельности, а также научный потенциал профессорско-преподавательского состава кафедры делает ее уникальной и перспективной в вузовской среде.

В связи с празднованием первого 10-летия с момента создания кафедры прокурорского надзора и организации правоохранительной деятельности хотелось бы пожелать ее сотрудникам крепкого здоровья, научных открытий и способных учеников!

Редакция журнала

V ПОТЕРПЕВШИЕ ОТ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Научная статья
УДК 343.998

Жертва преступления: клеймо или стечение обстоятельств

Дарья Дмитриевна Битюцких[1], Егоров Олег Николаевич[2]
[1, 2]Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия
1dasha-bit@mail.ru
[2]yegorov@narod.ru, ORCID: 0000-0003-3747-5010

Аннотация. Определение и разграничение понятий «пострадавший», «потерпевший» и «жертва преступления» крайне важны, так как многие отрасли юриспруденции оперируют данными терминами, причём, как показывают авторы данной статьи, даже в, казалось бы, близкородственных уголовном и уголовно-процессуальном праве подходы несколько различны. В качестве примера авторы предлагают, в числе прочего, обратить внимание на имеющийся в научной литературе достаточно дискуссионный вопрос о том, могут ли в качестве потерпевшего выступать органы государственной власти и местного самоуправления. В статье представлены и соотнесены понятия «жертва преступления» и «потерпевший», при этом учтены как виктимологический, так и уголовно-процессуальный подходы. На этой основе авторы рискнули предложить собственное видение понятия «жертва преступления». Рассмотрен ряд общественно опасных деяний и проанализирована роль жертвы при совершении каждого из них. Особо сосредоточивают авторы статьи внимание на спорных вопросах семейно-бытового насилия, а также на некоторых виктимологических аспектах убийств, изнасилований и мошенничества. Авторами работы предложена типизация жертв преступлений.
Ключевые слова: виктимология, преступление, потерпевший, жертва преступления, семейно-бытовые насильственные преступления, изнасилование, мошенничество, убийство
Для цитирования: Битюцких Д. Д., Егоров О. Н. Жертва преступления: клеймо или стечение обстоятельств // Виктимология. 2021. Т. 8, № 3. С. 198–205.

© Битюцких Д. Д., Егоров О. Н.

Original article

Victim of Crime: Stigma or Concatenation of Circumstances

Daria D. Bityutskikh[1], Oleg N. Yegorov[2]
[1, 2]Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia
[1]dasha-bit@mail.ru
[2]yegorov@narod.ru, ORCID: 0000-0003-3747-5010

Abstract. The definition and differentiation of the concepts of "affected person", "victim" and "victim of a crime" are extremely important, because many branches of jurisprudence operate with these terms, and, as the authors of this article show, even in seemingly closely related criminal and criminal procedure law approaches are somewhat different. As an example, the authors propose, among other things, to pay attention to the rather debatable question in the scientific literature about whether state authorities and local self-government bodies can act as victims. The article presents and correlates the concepts of "victim of a crime" and "victim", while taking into account both victimological and criminal procedural approaches. On this basis, the authors ventured to offer their own vision of the concept of "victim of a crime". A number of socially dangerous acts are considered and the role of the victim in the commission of each of them is analyzed. The authors of the article particularly focus on controversial issues of domestic violence, as well as on some victimological aspects of murder, rape and fraud. The typification of victims of crimes is proposed.

Keywords: victimology, crime, affected person, victim, victim of crime, domestic violent crimes, rape, fraud, murder
For citation: Bityutskikh D.D., Yegorov O.N. Victim of crime: stigma or concatenation of circumstances. *Viktimologiya* [Victimology]. 2021;8(3):198-205. (In Russ.)

Введение

Уголовное право и тесно взаимосвязанные с ним отрасли, имея в виду пострадавшее от преступления лицо(как физическое, так и юридическое), используют понятие «потерпевший». Так,согласно статье 42 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ) «потерпевшим является физическое лицо, которому преступлением причинен физический, имущественный, моральный вред, а также юридическое лицо в случае причинения преступлением вреда его имуществу и деловой репутации»[1]. Стоит уточнить, что, несмотря на общность термина, случаи его употребления в уголовном и уголовно-процессуальном праве разнятся. Например, в уголовном праве потерпевший существует независимо от его признания таковым в процессуальном порядке; в уголовном праве потерпевший является признаком состава преступления, а в уголовном процессе — непосредственным участником судопроизводства со стороны обвинения и так далее [5, с. 18].

Вопрос о возможности признания потерпевшим юридического лица не вызывает споров в силу прямого законодательного закрепления такой возможности. Дискуссионным является вопрос о том, могут ли в качестве потерпевшего выступать органы государственной власти и местного самоуправления. Так, О. Н. Егоров и А. Е. Переверзева в работе «Потерпевший, потерпевшая сторона при преступлениях в сфере закупок для государственных и муниципальных нужд» дают положительный ответ на данный вопрос. По мнению авторов, статью 42 УПК РФ необходимо дополнить следующим содержанием: «Органы государственной власти Российской Федерации,

[1] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52. Ст. 4291.

органы государственной власти субъектов Российской Федерации и их территориальные управления, муниципальные органы могут быть признаны в качестве потерпевшей стороны по уголовному делу в том случае, если совершено преступление, направленное против государственной власти, интересов государственной или муниципальной службы, порядка управления, в том числе, совершенное в сфере закупок для государственных и муниципальных нужд. Обязанность защиты интересов публично-правового образования возлагается на должностное лицо, уполномоченное быть представителем публично-правового образования или его органов в соответствии с федеральными законами, подзаконными нормативными правовыми актами и ведомственными актами» [2, с. 33–34].

В криминологии, а точнее в ее частном учении –виктимологии, принято использовать понятие «жертва преступления». В Декларации основных принципов правосудия для жертв преступления и злоупотребления властью, утвержденной резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 40/34 от 29.11.1985, под термином «жертвы» понимаются «лица, которым индивидуально или коллективно был причинен вред, включая телесные повреждения или моральный ущерб, эмоциональные страдания, материальный ущерб или существенное ущемление их основных прав в результате действия или бездействия, нарушающего действующие национальные уголовные законы государств-членов, включая законы, запрещающие преступное злоупотребление властью»[1]. В российском законодательстве рассматриваемый термин не употребляется. В этой связи в научных кругах ведутся активные дискуссии относительно определения понятия «жертва преступления» и его соотношения с понятием «потерпевший».

Так, К. В. Захарова утверждает, что понятия «потерпевший» и «жертва преступления» не тождественны, при этом автор разделяет области употребления данных терминов, заключая, что «потерпевший» — уголовно-процессуальное понятие, а «жертва преступления» — виктимологическое (к тому же более широкое) [4, с. 89–90].

Иного мнения придерживался русский юрист С. Л. Франк, употребляя названные термины как синонимичные [6, с. 10].

Конечно, существует ощутимая разница во времени обозначения указанных точек зрения и статусном положении авторов, однако это лишь некие ориентиры, находящие отголоски в работах различных авторов.

Интересную позицию занимает А. В. Залозный, рассматривая оба понятия в рамках виктимологии (без распространенного разделения на уголовно-процессуальную и виктимологическую сферы). Автор обозначает, что «в виктимологическом плане потерпевший — это непосредственная жертва преступления». При этом отмечается, что «жертва — это преимущественно физическое лицо, которому непосредственно причинен вред», а «потерпевшим от преступления может являться и юридическое лицо, но оно не обладает в полной мере качествами жертвы в виктимологии» [3, с. 202–203].

Проанализировав все вышеописанное и сделав самостоятельные умозаключения, можно попробовать дать следующее обобщённое определение понятию «жертва преступления»: это человек, который понес физический, имущественный или моральный вред от преступления независимо от того, признан он в установленном законом порядке потерпевшим или нет.

Здесь также важно обратить внимание на виды вреда, которые могут быть причинены жертве преступления, а именно — физический, имущественный (причем в двух его формах: реальный ущерб и упущенная выгода) и моральный вред, что, в целом, является отдельным огромным полем для изучения.

Описание исследования

Ключевой момент в рамках данной работы — вопрос о том, как и почему люди становятся жертвами преступлений, является ли это случайным стечением обстоятельств, или же тот или иной человек имеет предрасположенность к становлению жертвой.

[1] Декларация основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотребления властью (принята резолюцией 40/34 Генеральной Ассамблеи от 29.11.1985) // Организация Объединенных Наций : [сайт]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/power.shtml (дата обращения: 01.05.2021).

Для изучения поставленного вопроса следует рассмотреть уголовно-наказуемые деяния и проанализировать роль жертвы при совершении данных преступлений. Безусловно, объять весь перечень преступных деяний не представляется возможным, поэтому исследованию будут подлежать лишь отдельные из них.

Изучая криминальную ситуацию как объект познания в процессе раскрытия преступления, С. И. Давыдов обозначил следующее: «поведение потерпевшего часто играет существенную роль в возникновении или реализации преступных замыслов, особенно по бытовым насильственным преступлениям, изнасилованиям, мошенничествам, а иногда и по умышленным убийствам» [1, с. 5]. Точка зрения указанного автора представляется нам весьма спорной и неоднозначной, вместе с тем он затрагивает довольно разноплановые уголовно-наказуемые деяния, поэтому при изучении поставленного выше вопроса и одновременном приходе к согласию или несогласию с позицией С. И. Давыдова изучение роли жертвы будет рассмотрено на примере отмеченных данным автором преступлений.

Семейно-бытовые насильственные преступления — обобщенная группа противоправных деяний, связанных с применением насилия одним членом семьи в отношении другого. Чаще всего речь идет об абьюзивных отношениях между супругами, при этом, как правило, насилие совершается мужчиной в отношении женщины. В Уголовном кодексе Российской Федерации (далее — УК РФ) под указанную категорию преступлений подпадают следующие деяния: умышленное причинение тяжкого вреда здоровью (ст. 111 УК РФ), умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью (ст. 112 УК РФ), умышленное причинение легкого вреда здоровью (ст. 115 УК РФ), побои (ст. 116 УК РФ)[1] и ряд других.

Насильственные преступления в семейно-бытовой сфере, к сожалению, весьма распространенный людской порок: их регистрация в полицейской сводке происходит практически ежедневно. Вместе с тем велик уровень латентности данной категории преступлений: в силу близких, родственных взаимоотношений, страха за свою судьбу, сформированного стокгольмского синдрома и ряду иных причин жертвы подобных преступлений зачастую умалчивают о происходящем (даже в случае неоднократности противоправных действий).

Для одних людей дом — это место, создающее уют, комфорт и позволяющее абстрагироваться от внешних нагнетающих обстоятельств; для других — люди, на которых можно выплеснуть накопившуюся негативную энергию. Вторая категория лиц, не справляясь с объемом навалившихся жизненных трудностей, имея такие черты характера, как агрессивность, вспыльчивость, злоупотребляя спиртными напитками, выступающими своего рода катализатором, становятся настоящими домашними тиранами, совершающими насильственные преступления против членов своей семьи, причем, как правило, неоднократно.

Можно ли винить жертв «домашнего тиранизма» в том, что с ними происходит?

Безусловно, отношения между членами семьи, в частности, между супругами, носят двусторонний характер. И муж, и жена должны вкладывать совместные усилия, чтобы домашняя обстановка носила действительно домашний характер. Если мужчина, возвращаясь домой после тяжелого рабочего дня, раз за разом сталкивается с бессмысленными упреками со стороны своей супруги либо иной давящей ситуацией, то однажды это выльется, в лучшем случае, в бытовой конфликт, в худшем — в уголовную ответственность за деяния, предусмотренные вышеперечисленными статьями УК РФ. Конечно, скверный характер члена семьи не является поводом для совершения в отношении него преступного деяния, однако выступает неким побудительным толчком для будущего преступника.

Печальнее разворачивается ситуация, когда женщина всячески пытается угодить мужчине, совершенно перестает считаться с собственными интересами, но все равно становится жертвой домашнего насилия. Без поводов, без «толчков». Только лишь в силу сложившихся в семье взаимоотношений и личности супруга-преступника.

[1] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

Жертвы домашнего насилия могут быть разными: от «провокаторов» до «услужливых тихонь». Причина совершения бытового преступления может крыться как в сложившейся семейной обстановке, так и в чем-то ином, не связанном с поведением супруга-жертвы и микроклиматом семьи. В любом случае, оправдывать домашнего тирана, раз за разом совершающего насильственные действия по отношению к домочадцам, или даже человека, единожды поднявшего руку на члена своей семьи, — бессмысленно. Нельзя перекладывать ответственность на жертву, если другой человек (преступник) не в состоянии сдерживать свои эмоции или, тем более, получает удовольствие от неоднократных применений своей физической силы.

В конце 2019 года Советом Федерации Российской Федерации был представлен на общественное обсуждение проект Федерального закона «О профилактике семейно-бытового насилия в Российской Федерации». Для целей указанного Закона под семейно-бытовым насилием понимается «умышленное деяние, причиняющее или содержащее угрозу причинения физического и (или) психического страдания и (или) имущественного вреда, не содержащее признаки административного правонарушения или уголовного преступления». Названный акт направлен на регулирование отношений, возникающих в сфере профилактики семейно-бытового насилия в Российской Федерации, в том числе устанавливает правовые основы профилактики семейно-бытового насилия, полномочия субъектов профилактики семейно-бытового насилия, формы профилактического воздействия, среди которых выделяются: правовое просвещение и правовое информирование; профилактическая беседа; профилактический учет; профилактический контроль; помощь в социальной адаптации лиц, подвергшихся семейно-бытовому насилию; социальная реабилитация лиц, подвергшихся семейно-бытовому насилию; специализированные психологические программы; защитное предписание; судебное защитное предписание[1].

Стагнация рассматриваемого нормативно-правового акта — его «затянутое» существование в статусе законопроекта — говорит о наличии несовершенств в содержании. Противники законопроекта указывают на нарушение конституционных прав граждан (например, права на жилище), юридическую несостоятельность и нарушение законов логики (ключевое понятие, «семейно-бытового насилие», фактически определяется как умышленное преступление, не содержащее признаков преступления), правовую неопределенность (определение семейно-бытового насилия, приводимое в статье 2 документа, позволяет объявить таковым практически любое действие любого лица, не являющееся преступлением и правонарушением, поскольку в нем используются понятия, не имеющие однозначного понимания в юридической науке и позволяющие крайне широкую интерпретацию), появление новых возможностей для коррупции (например, широкие дискреционные полномочия должностных лиц), грубое вторжение в жизнь семьи и так далее[2].

Безусловно, нашей стране необходим законодательный акт, направленный на защиту жертв домашнего насилия. Для его успешного «водворения» требуется, во-первых, донести в широкие массы целесообразность и важность такого закона, потому что без общественной поддержки эффективность будет сводиться к минимуму, а во-вторых, учесть опыт предыдущих законопроектов, обязательно — обоснованные высказывания критиков и, опять же, мнение общественности.

Изнасилование (ст. 131 УК РФ) представляет собой половое сношение с применением насилия или с угрозой его применения к потерпевшей или к другим лицам либо с использованием беспомощного состояния потерпевшей.

Женщин, ставших жертвами изнасилования, зачастую обвиняют в том, что с ними произошло, ссылаясь на чересчур

[1] Законодателями предложен комплекс мер по защите прав лиц, подвергающихся семейно-бытовому насилию // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/law/hotdocs/59925.html/ (дата обращения: 29.06.2021).

[2] О профилактике семейно-бытового насилия в Российской Федерации : законопроект // Википедия : Свободная энциклопедия. URL: https://clck.ru/PUg8k (дата обращения: 29.06.2021).

откровенную одежду, состояние алкогольного опьянения, нахождение на улице в позднее время суток и тому подобное. Такие обвинения в сторону женщин высказываются как на бытовом уровне, так и в научных кругах (например, отмеченная выше позиция С. И. Давыдова). В рамках данной статьи и в целом, в жизни,предлагаем придерживаться диаметрально противоположной, но весьма справедливой мысли, высказанной С. П. Щербой: «нравственные недостатки в поведении потерпевшей не являются поводом для совершения в отношении нее преступного деяния; доведение потерпевшей себя до состояния опьянения не может рассматриваться как санкция на попрание ее неприкосновенности и личного достоинства; согласие женщины на распитие алкогольных напитков с мужчиной в обстановке, благоприятствующей физическому сближению, не может расцениваться как ее желание быть изнасилованной» [7, с. 474]. Иными словами, жертвы изнасилований не виноваты в том, что с ними произошло. Их внешний вид, поведение и состояние не могут служить оправданием для мужчин, не способных контролировать свои сексуальные желания.

В последние годы мошенничество (ст. 159 УК РФ) стало одним самых распространенных преступлений. «Благоприятной» почвой для столь широкого охвата является все возрастающая компьютеризация, которая облегчает процесс совершения рассматриваемого противоправного деяния и существенно затрудняет выявление и установление лиц, совершивших хищение чужого имущества.

Жертвами мошенничества могут стать люди разного пола и возраста. Ключевым фактором выступает их излишняя наивность и доверчивость. Хотя не стоит исключать и скептически настроенных лиц, которые в силу совершения мошенничества в непривычных для них обстоятельствах или особой ухищренности преступника тоже становятся жертвами подобного рода деяний. Но они скорее являются исключением из правила и «попадаются на удочку» мошенников обычно лишь раз. Первая же категория граждан, бывает, неоднократно передает свое имущество в руки преступников из-за присутствующего простодушия и непосредственности.

Говоря о второй категории граждан, стоит вспомнить недавно произошедшее событие, в котором от рассматриваемого вида преступления потерпело, казалось бы, весьма скептически настроенное и юридически подкованное лицо. Так, в марте 2021 года в Санкт-Петербурге генерал МВД стал жертвой телефонных мошенников. Злоумышленники списали с его счетов 613 тысяч рублей. «Неизвестные позвонили генералу от имени службы безопасности банка и предложили перевести его средства на безопасный счет. Тот согласился и продиктовал им пин-коды. После того как средства были списаны, пособник мошенников — выходец из Украины Андрей Пейтер — обналичил их в банкомате. Спустя неделю после инцидента мужчину задержали. По словам его адвоката Алексея Соколова, свою вину он признал, раскаялся в содеянном и выразил готовность возместить ущерб»[1].

Анализируя жертв мошенничества, можно все же отметить определенное «клеймение» большинства из них. В данном случае стоит провести некую аналогию с известным законом экономики: «спрос рождает предложение». Желание людей обогатиться простым и быстрым способом зачастую ввязывает их в мошеннические авантюры, что, как следствие, дает обратный эффект — приводит к потере имущества. Безусловно, названная особенность жертв данных деяний не оправдывает преступников, однако в каком-то смысле возлагает на них (жертв) ответственность за произошедшее.

Убийство (ст. 105 УК РФ) может быть совершено как в силу сложившихся неприязненных отношений между преступником и жертвой (убийство знакомого лица по той или иной причине), так и в отношении к совершенно незнакомого человека. Поэтому говорить о «клеймении» жертвы убийства довольно сложно. Однако особое внимание

[1] Телефонные мошенники украли у генерала МВД более полумиллиона рублей // Рамблер : [интернет-портал]. URL: https://news.rambler.ru/incidents/45991182-telefonnye-moshenniki-ukrali-ugenerala-mvd-bolee-polumilliona-rubley/ (дата обращения: 20.06.2021).

стоит уделить убийству, совершенному в состоянии аффекта (ст. 107 УК РФ).

Аффект представляет собой состояние внезапно возникшего сильного душевного волнения, вызванного насилием, издевательством или тяжким оскорблением со стороны потерпевшего либо иными противоправными или аморальными действиями (бездействием) потерпевшего, а равно длительной психотравмирующей ситуацией, возникшей в связи с систематическим противоправным или аморальным поведением потерпевшего[1].

Статья 107 УК РФ весьма красноречиво и однозначно отражает «виновность» жертвы преступления в совершенном в отношении нее деянии (безусловно, не снимая ответственности с преступника). Проявляется это не только в самой формулировке диспозиции указанной статьи, но и в ощутимом разбеге между назначаемым наказанием за«простое» убийство и за убийство, совершенное в состоянии аффекта.

Заключение

Подводя итоги, стоит еще раз отметить, что нашему рассмотрению подлежала лишь малая часть из огромного массива противоправных деяний. Однако исследовались довольно разноплановые преступления, в связи с чем имеются основания для формулировки определенных выводов.

Преступления — неискоренимое общественное явление. Совершение большинства преступлений порождает появление жертв. Жертва преступления может быть как случайной, так и «клейменной». В этой связи можно выделить три типа жертв: случайные (например, чаще всего такими бывают жертвы изнасилования); ставшие жертвами в силу особенностей своего характера (например, типичная жертва мошенничества); ставшие жертвами по причине провокационного воздействия на преступника (например, жертва убийства, совершенного в состоянии аффекта). Представляется (впрочем, это требует отдельного анализа), что наиболее распространенным является первый тип. Поведение жертвы любого из названных типов не оправдывает преступника в совершенном им деянии, однако, по нашему убеждению, должно играть свою роль при назначении наказания преступнику и представляет большой интерес в рамках виктимологических исследований.

[1] Уголовный кодекс Российской Федерации.

Список источников

1. Давыдов С. И. Криминальная ситуация как объект познания в процессе раскрытия преступления // Научный вестник омской академии МВД России. 2013. № 4 (51). С. 3–7.

2. Егоров О. Н., Переверзева А. Е. Потерпевший, потерпевшая сторона при преступлениях в сфере закупок для государственных и муниципальных нужд // Виктимология. 2019. № 4 (22). С. 28–35.

3. Залозный А. В. О соотношении категорий «потерпевший от преступления» и «жертва» в виктимологии // Актуальные проблемы уголовного права, криминологии, уголовно-исполнительного права : межвузовский сборник научных трудов. Под общ. ред. А. Г. Безверхова. Самара, 2012. С. 202–204.

4. Захарова К. В. Соотношение понятий «жертва преступления» и «потерпевший от преступления» // Образовательная система: вопросы продуктивного взаимодействия наук в рамках технического прогресса : сборник научных трудов. Казань, 2019. С. 88–90.

5. Сабитов Р. А. Соотношение понятий «потерпевший от преступления», «пострадавший от преступления» и «жертва преступления» // Виктимология. 2014. № 1 (1). С. 17–26.

6. Франк Л. В. Потерпевшие от преступления и проблемы советской виктимологии. Душанбе : Ирфон, 1977. 237 с.

7. Щерба С. П. Уголовное судопроизводство по делам лиц, страдающих физическими или психическими недостатками. Санкт-Петербург : Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2008. 772 с.

References

1. Davydov S.I. Criminal situation as an object of knowledge in the process of solving a crime. *Nauchnyj vestnik omskoj akademii MVD Rossii* [Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia]. 2013;(4):3-7. (in Russ.)

2. Yegorov O.N., Pereverzeva A.E. Victim, injured party in crimes in the field of procurement for state and municipal needs. *Viktimologiya* [Victimology]. 2019;6(4):28-35. (in Russ.)

3. Zalozny A.V. On the relationship between the categories of «victim of a crime» and "victim" in victimology. *Aktual'nye problemy ugolovnogo prava, kriminologii, ugolovno-ispolnitel'nogo prava*. [Actual problems of criminal law, criminology, penal law]. Interuniversity collection of scientific papers. Bezverkhov A.G. (ed). Samara; 2012. P. 202-204. (in Russ.)

4. Zakharova K.V. Correlation of the concepts of "victim of a crime" and "victim of a crime". *Obrazovatel'naya sistema: voprosy produktivnogo vzaimodejstviya nauk v ramkah tekhnicheskogo progressa*. [Educational system: issues of productive interaction of sciences within the framework of technical progress]. Collection of scientific papers. Kazan; 2019. P. 88-90. (in Russ.)

5. Sabitov R.A. Correlation of the concepts "victim of a crime", "victim of a crime" and "victim of a crime". *Viktimologiya* [Victimology]. 2014;(1):17-26. (in Russ.)

6. Frank L. *In the Victims of Crime and the Problems of Soviet Victimology*. Publishing House: Irfon. Dushanbe; 1977. (in Russ.)

7. Shcherba S.P. *Criminal proceedings in cases of persons suffering from physical or mental disabilities*. Publishing house of R. Aslanov "Legal Center Press". St. Petersburg; 2008. (in Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Битюцких Дарья Дмитриевна, студент 4 курса, Институт права, Челябинский государственный университет.

454001, Челябинск, ул. Бр. Кашириных, д. 129; dasha-bit@mail.ru

Егоров Олег Николаевич, юрист, кандидат медицинских наук, доцент кафедры прокурорского надзора и организации правоохранительной деятельности, Институт права, Челябинский государственный университет.

454001, Челябинск, ул. Бр. Кашириных, д. 129; yegorov@narod.ru, https://orcid.org/0000-0003-3747-5010

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Daria D. Bityutskikh, 4th year student of the Institute of Law, Chelyabinsk State University.

129 Br. Kashirinykh, Chelyabinsk 454001, Russia; dasha-bit@mail.ru

Oleg N. Yegorov, Lawyer, Candidate of Medical Sciences, Associate Professor of the Department of Prosecutor's Supervision and Organization of Law Enforcement Activities, Institute of Law, Chelyabinsk State University.

129 Br. Kashirinykh, Chelyabinsk 454001, Russia; yegorov@narod.ru, https://orcid.org/0000-0003-3747-5010

Дата поступления статьи / Received: 08.07.2021.
Дата рецензирования статьи / Revised: 20.09.2021.
Дата принятия статьи к опубликованию / Accepted: 21.09.2021.

Научная статья
УДК 343.9.018.3

Провоцирующее поведение детей как основание реализации родительской власти

Сумачев Алексей Витальевич[1], **Темникова Ольга Николаевна**[2]
[1]*Югорский государственный университет, Ханты-Мансийск, Россия*
alekssumachev@mail.ru, ORCID: 0000-0002-1133-9574
[2]*Тюменский институт повышения квалификации сотрудников МВД России, Тюмень, Россия, lelik_08-08@mail.ru*

Аннотация. В статье определяется понятие «родительская власть» и дается ее характеристика как нравственно-правовой категории. Исследуются особенности методов реализация родительской власти в России и определяются ее уголовно-правовые грани. Также отмечается, что реализация родительской власти, как правило, не является безосновательным, поскольку фактором их применения выступает «провоцирующее поведение детей». Указываются формы «провоцирующего поведения детей». В итоге констатируется целесообразность исследования вопросов уголовно-правового регулирования реализации «родительской власти» в целях разработки соответствующих законодательных решений.

Ключевые слова: родители, дети, родительская власть, поведение детей, провокация, воспитание, преступление
Для цитирования: Сумачев А. В., Темникова О. Н. Провоцирующее поведение детей как основание реализации родительской власти // Виктимология. 2021. Т. 8, № 3. С. 206–211.

© Сумачев А. В., Темникова О. Н.

Original article

Provoking Behavior of Children as a Basis for the Implementation of Parental Authority

Alexey V. Sumachev[1], Olga N. Temnikova[2]
[1]Ugra State University, Khanty-Mansiysk, Russia
alekssumachev@mail.ru, ORCID: 0000-0002-1133-9574
[2]Tyumen Institute for Advanced Training of Employees of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Tyumen, Russia, lelik_08-08@mail.ru

Abstract. The article defines the concept of "parental authority" and describes it as a moral and legal category. The article examines the peculiarities of the methods of implementing parental authority in Russia and defines its criminal-legal facets. It is also noted that the implementation of parental authority, as a rule, is not groundless, since the factor of their application is "provoking behavior of children". The forms of "provoking behavior of children" are indicated. As a result, it is stated that it is expedient to study the issues of criminal law regulation of the implementation of "parental authority" in order to develop appropriate legislative solutions.

Keywords: parents, children, parental authority, children's behavior, provocation, upbringing, crime

For citation: Sumachev A.V., Temnikova O.N. Provoking Behavior of Children as a Basis for the Implementation of Parental Authority. *Viktimologiya* [Victimology]. 2021;8(3):206-211. (In Russ.)

Введение

Воспитание детей — процесс многообразный и трудоемкий. Проблеме этой посвящено множество различных исследований. В частности, педагог-психолог МБДОУ «Детский сад № 143» г. Чебоксары Т. М. Полякова, с психолого-педагогических позиций рассматривает аспекты: современных отношений в семье между ребенком и родителями, как семья влияет на становление личности ребенка, какие типы детско-родительских взаимоотношений бывают [3, с. 498–503]. Относительно категории «родительская власть» отметим, что это право родителей формировать необходимое с их точки зрения (как правило, социально-полезное) поведение своих (не чужих) детей, реализуемое в допустимых законом и/или традициями формах. При этом, формы и методы реализации родительской власти могут варьировать от социально-правомерных (беседы, личный пример, стимулирование и т. п.) до формально противоправных (нанесение побоев, лишение свободы передвижения и т. п.). Нет сомнений в том, что особый интерес вызывают так называемые формально противоправные методы реализации родительской власти. Так, С. Н. Тагаева замечает, что жестокое обращение с ребенком может влечь применение санкций нескольких отраслей права, поэтому характеризуется как правонарушение межотраслевого характера [5, с. 612–615].

Актуальность правового регулирования реализации «родительской власти» обосновано еще и тем, что, по свидетельству Т. А. Патшиной, ежегодно в России 2 млн детей в возрасте до 14 лет избиваются своими родителями. Для многих жертв это заканчивается смертью. В 2017 г. от жестокого обращения погибло 1811 детей [2, с. 459–460]. Стоит отметить, что интерес к проблеме жестокого обращения с детьми волнует не только отечественных ученых, но и зарубежных ученых [1, с. 331–335].

Кроме того, интерес к методам реализации родительской власти в России обусловлен, как представляется, не только возможными юридическими последствия для родителей, но и морально-нравственными установками жителей нашей страны.

Так, Анна из г. Мурманск в заметке «Родительская власть» отмечает: «…я категорически против насилия над ребенком, но согласитесь — иногда разбаловавшееся или расхулиганившееся чадо только и можно остановить, что шлепком по попе»[1].

В комментариях к данной заметке Екатерина из г. Тверь пишет: «БИТЬ ИЛИ НЕ БИТЬ — ВОТ В ЧЕМ ВОПРОС!!! …вот честно — сколько не пыталась — не получается — иногда такого натворят что ремень — сам в руки прыгает»[2].

Елена из г. Омск также откровенничает: «Я впервые взяла ремень в руки, когда Ярославу исполнилось шесть лет. Скажу честно, мне каждый раз бывает стыдно после физического наказания своего ребенка. Поэтому около полугода за ремень я не берусь. А стыдно за свою несостоятельность как родителя, неумение завоевать авторитет и любовь, которые могли бы направлять ребенка вместо шлепков и ремня»[3].

Описание исследования

Даже эти немногочисленные мнения свидетельствуют о неоднозначности морально-нравственного обоснования россиянами насильственных форм реализации родительской власти. Более того, опять же, как представляется, ввиду традиционности данных методов воспитания в России, они — насильственные формы реализации родительской власти — не представляются чем-то «из ряда вон выходящими» явлениями. Свидетельством этого является некоторое даже юмористическое отношение к таким методам воспитания, например, в социальной сети «Одноклассники» была выставлена и широко обсуждалась картинка, на которой было написано: «Хотите, чтобы ваши дети росли здоровыми и послушными? Педиатры рекомендуют давать детям „Ремнишку“»[4]. Комментарии были примерно следующего плана: «„Лупидол“ тоже хорошо помогает»; «Очень вкусные пилюли, сам пробовал»; «Если ремняшку без передозировки и усердия давать, она даже полезная. Испытано на людях 80-х, ах какими мы хорошими выросли» и др. Но были там и иные комментарии: «Имеются противопоказания. Перед применением следует внимательно ознакомиться с инструкцией». Так вот, такие «инструкции» по использованию «Ремнишки» или «Лупидола» определяются, в том числе, и в уголовном законодательстве России. Условно определим их как уголовно-правовые грани реализации родительской власти в Российской Федерации. Стоит заметить, что отношение законодателя к данному вопросу весьма неоднозначно. Так, применительно к вопросу об уголовной ответственности за побои (ст. 116 УК РФ) первоначально родители могли нести ответственность за нанесение побоев ребенку на общих основаниях. Федеральным законом от 03 июля 2016 г. № 323-ФЗ законодатель конкретизировал ответственность за побои в отношении «близких лиц»[5]. Заметим, что в научной среде это законодательная новелла оценивалась неоднозначно. В частности, П. А. Скобликов резко возражал против криминализации побоев родителями своих несовершеннолетних детей [4, с. 59]: «…по ст. 116 «Побои» УК РФ суд будет вынужден почти автоматически вынести обвинительный приговор родителю. Хотя бы единожды отшлепал? — Отшлепал. — Получай!» [4, с. 60].

Однако, уже спустя чуть более 7 месяцев, Федеральным законом от 07 февраля 2017 г. № 8-ФЗ законодатель декриминализовал нанесение побоев ребенку (побои в отношении «близких лиц»), определив обязательное наличие для подобных случаев административной преюдиции[6].

Соответственно, уголовно-правовая грань реализации родительской власти

[1] Родительская власть // БЭБИ.РУ : [интернет-портал]. URL: https://www.baby.ru/community/view/126569/forum/post/274757/ (дата обращения: 01.02.2021).

[2] Там же.

[3] Там же.

[4] Одноклассники. URL: https://ok.ru/veseloeradio/topic/76859794595840 (дата обращения: 01.02.2021).

[5] О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности : Федеральный закон от 03.07.2016 № 323-ФЗ // Российская газета. 2016. 8 июля.

[6] О внесении изменения в статью 116 Уголовного кодекса Российской Федерации : Федеральный закон от 07.02.2017 № 8-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2017. № 7. Ст. 1027.

в форме нанесения побоев ребенку в воспитательных целях в настоящее время в юридическом плане «отодвинута» за административно-правовую грань (первоначально такие действия оцениваются по ст. 6.1.1. КоАП РФ).

Вместе с тем, особый интерес здесь вызывает провоцирующее поведение детей как основание реализации родительской власти. Хотя, как замечает В. Н. Чулахов: «Как правило, до совершения насильственного преступления в семье ребенок ведет себя пассивно, он старается во всем угодить взрослому, за исключением малолетних, которые в силу своего возраста не могут контролировать свои действия, что и вызывает агрессию у присматривающих за ними взрослых» [6, с. 714]. Однако стоит согласиться с Ю. Г. Юзихановой и Е. В. Шестаковой в том, что они абсолютно обосновано утверждают: «Специфика отклоняющегося поведения несовершеннолетних может быть рассмотрена как обусловленная комплексом взаимосвязанных факторов, относящихся к возрастным, социальным, психологическим особенностям несовершеннолетних как особой социальной группы. Установление таких специфических черт, обуславливающих поведение несовершеннолетних, его качественных и количественных параметров, ориентировано на применение соответствующих мер в отношении данной возрастной группы» [7, с. 83; 8, с. 86]. Среди такого рода мер наличествует и формально противоправные методы реализации родительской власти (как отмечалось: нанесение побоев, лишение свободы передвижения и т. п.). Однако, применение таких мер, как правило, не является безосновательным — фактором их применения выступает «провоцирующее поведение детей».

В свою очередь, среди форм «провоцирующего поведения детей» можно выделить следующие:

1) неуспеваемость в школе (наличие неудовлетворительных оценок, невыполнение домашних заданий, пропуск уроков и т. п.);

2) непослушание ребенка родителям, воспитателям, учителям и т. п.;

3) совершение разовых объективно противоправных действий (например: мелких хищений (нарвать клубники у соседей); стрелять по птичкам или фонарям из рогатки; лазить по крышам домов (заниматься руферством[1]) или ездить снаружи или над вагонами поездов (заниматься зацеперством[2]) и т. п.);

4) «зависание в интернете» — когда ребенок отказывается гулять, не желает общаться с родителями и сверстниками, не читает книги.

Можно выделить иные формы «провоцирующего поведения детей», которые могут быть обусловлены национальными или религиозными установками, местом проживания (город или сельская местность), молодежной средой (например, принадлежность к молодежным неформальным группам) и др. Учет такого «провоцирующего поведения детей», а равно указанных выше особенностей следует учитывать в социально-юридической практике оценки реализации «родительской власти».

Заключение

И в завершении стоит указать на весьма интересное правило, определяемое в ст. 90 Уголовного кодекса Китайской Народной Республики, согласно которому: «Национальные автономные образования могут не в полной мере применять положения настоящего Кодекса, комитет народных представителей автономного района или провинции, следуя особенностям… *культуры местной национальности* (курсив наш — А. С., О. Т.)». Соответственно, можно предположить, что если в рамках реализации родительской власти наказание ребенка посредством лишения его свободы или нетяжкого физического воздействия соотносится с традициями местной культурной общности, деяние будет считаться вполне законным.

[1] Руферство (от английского *roof* — крыша) — это вид индустриального туризма. Руферство — это прогулки по крышам, которые могут стать незабываемым приключением. Руферство весьма опасный и рискованный вид отдыха, который приобрел свою популярность в крупных городах. Это течение можно относить к разрядам молодёжных субкультур. См.: Руферство. URL.: https://ar-da.ru/ruferstvo (дата обращения: 02.02.2021).

[2] Что такое зацепинг и кто такиезацеперы? / АиФ. URL: https://aif.ru/dontknows/file/chto_takoe_zaceping_i_kto_takie_zacepery (дата обращения: 02.02.2021).

В рамках же российского уголовного права такое поведение взрослого даже формально нельзя «подвести» под категорию «обоснованного риска» ст. 41 УК РФ, согласно которой «Не является преступлением причинение вреда охраняемым уголовным законом интересам при обоснованном риске для достижения общественно полезной цели». В этой связи, целесообразно исследование вопросов уголовно-правового регулирования реализации «родительской власти» в целях разработки соответствующих законодательных решений.

Список источников

1. Лапа В. Г. Видение проблемы жестокого обращения с детьми за рубежом // Деятельность правоохранительных органов в современных условиях : материалы Международной научно-практической конференции. Иркутск : Восточно-Сибирский институт МВД России, 2012. С. 331–335.

2. Патшина Т. А. Виктимологическая характеристика жертв преступлений против несовершеннолетних // Социально-правовая защита детства как приоритетное направление современной государственной политики : сб. материалов Международной научно-практической конференции (Чебоксары, 13–14 апреля 2018 г.). Чебоксары : Изд-во Чуваш. ун-та, 2018. С. 459–463.

3. Полякова Т. М. Семья и ее влияние на формирование личности ребенка // Социально-правовая защита детства как приоритетное направление современной государственной политики : сб. материалов Международной научно-практической конференции (Чебоксары, 13–14 апреля 2018 г.). Чебоксары : Изд-во Чуваш. ун-та, 2018. С. 498–503.

4. Скобликов П. А. Ослабление государственной монополии на насилие // Законодательство. 2016. № 11. С. 55–61.

5. Тагаева С. Н. Жестокое обращение родителей с ребенком — правонарушение межотраслевого характера // Социально-правовая защита детства как приоритетное направление современной государственной политики : сб. материалов Международной научно-практической конференции (Чебоксары, 13–14 апреля 2018 г.). — Чебоксары : Изд-во Чуваш. ун-та, 2018. С. 612–615.

6. Чулахов В. Н. Личность несовершеннолетнего потерпевшего как элемент криминалистической характеристики насильственных преступлений в семье // Социально-правовая защита детства как приоритетное направление современной государственной политики : сб. материалов Международной научно-практической конференции (Чебоксары, 13–14 апреля 2018 г.). — Чебоксары : Изд-во Чуваш. ун-та, 2018. С. 712-716.

7. Юзиханова Э. Г. Статистические показатели и тенденции преступности несовершеннолетних в новейшей истории // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2014. № 4 (30). С. 82–87.

8. Юзиханова Э. Г., Шестакова Е. В. Структурная деформация семьи как фактор виктимного поведения несовершеннолетних // Виктимология. 2018. № 1 (15). С. 86–92.

References

1. Lapa V.G. Vision of the problem of child abuse abroad. *Deyatel'nost' pravoohranitel'nyh organov v sovremennyh usloviyah* [Activity of law enforcement agencies in modern conditions]. Collection of materials of the International Scientific and Practical Conference; 2012. Irkutsk: East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia; 2012. P. 331-335. (in Russ.)

2. Patshina T.A. Victimological characteristics of victims of crimes against minors. *Social'no-pravovaya zashchita detstva kak prioritetnoe napravlenie sovremennoj gosudarstvennoj politiki* [Socio-legal protection of childhood as a priority direction of modern state policy]. Collection of materials of the International Scientific and Practical Conference; 2018 April 13-14. Cheboksary: Publishing House Chuvash University; 2018. P. 459-463. (in Russ.)

3. Polyakova T.M. The family and its influence on the formation of the child's personality. *Social'no-pravovaya zashchita detstva kak prioritetnoe napravlenie sovremennoj gosudarstvennoj politiki* [Socio-legal protection of childhood as a priority direction of modern state policy]. Collection of materials of the International Scientific and Practical Conference; 2018 April 13-14. Cheboksary: Chuvash Publishing House; 2018. P. 498-503. (in Russ.)

4. Skoblikov P.A. Weakening of the state monopoly on violence. *Legislation*. 2016;(11):55-61. (in Russ.)

5. Tagaeva S.N. Cruel treatment of parents with a child — an offense of an intersectoral nature. *Social'no-pravovaya zashchita detstva kak prioritetnoe napravlenie sovremennoj gosudarstvennoj politiki* [Socio-legal protection of childhood as a priority direction of modern state policy]. Collection of materials of the International Scientific and Practical Conference; 2018 April 13-14. Cheboksary: Publishing House Chuvash University; 2018. P. 612-615. (in Russ.)

6. Chulakhov V.N. The personality of a minor victim as an element of criminalistic characteristics of violent crimes in the family. *Social'no-pravovaya zashchita detstva kak prioritetnoe napravlenie sovremennoj gosudarstvennoj politiki* [Socio-legal protection of childhood as a priority direction of modern state policy]. Collection of materials of the International Scientific and Practical Conference; 2018 April 13-14. Cheboksary: Publishing House Chuvash University, 2018. P. 712-716. (in Russ.)

7. Yuzikhanova E.G. Statistical indicators and trends in juvenile delinquency in recent history. *Yuridicheskayanauka i law enforcement praktika* [Legal Science and Law Enforcement Practice]. 2014;4(30):82-87. (in Russ.)

8. Yuzikhanova E.G., Shestakova E. V. Structural deformation of the family as a factor of victim behavior of minors. *Viktimologiya* [Victimology]. 2018;1(15):86-92. (in Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Сумачев Алексей Витальевич, доктор юрид. наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и уголовного процесса, Югорский государственный университет.

628012, Ханты-Мансийск, ул. Чехова, д. 16; alekssumachev@mail.ru, ORCID: 0000-0002-1133-9574

Темникова Ольга Николаевна, преподаватель кафедры административной деятельности органов внутренних дел, Тюменский институт повышения квалификации сотрудников МВД России.

625049, Тюмень, ул. Амурская, д. 75; lelik_08-08@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Alexey V. Sumachev Doctor of Law Sciense, Professor; Professor of the Department of Criminal Law and Criminal Procedure, Ugra State University.

16 Chekhov str., Khanty-Mansiysk 628012, Russia; alekssumachev@mail.ru, ORCID: 0000-0002-1133-9574

Olga N. Temnikova Teacher of the Department of Administrative Activity of Internal Affairs Bodies, Tyumen Institute for Advanced Training of Employees of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

75 Amurskaya str., Tyumen 625049, Russia; lelik_08-08@mail.ru

Дата поступления статьи / Received: 19.03.2021.
Дата рецензирования статьи / Revised: 15.06.2021.
Дата принятия статьи к опубликованию / Accepted: 20.09.2021.

Original article

Corruption and Money Laundering as Legal and Social Phenomena: Causes, Phenomenology, Consequences

Jasmina Igrački[1], Sadmir Karović[2]
[1]Institute for Criminological and Sociological Research, Belgrade, Republic of Serbia
jasminaigracki@yahoo.com, ORCID: 0000-0002-0533-9033
[2]Faculty of Law, University in Travnik, Bosnia and Herzegovina
karovic.s@hotmail.com, ORCID: 0000-0003-1777-0370

Abstract. New tendency in social, political and economic relationships for the purpose of incorporating a domestic economy into international economic and financial transactions brings about a new and yet old forms of economic criminal offences which are believed to be much more profitable and less risky and it is even assumed that there are no adequate mechanisms of opposition. In this paper we have tried to point out that corruption and money laundering represent one of the leading challenges of modern social changes along with a harmful consequences of the impact of "laundered" money in regular social developments. Detrimental effect of accumulating financial and capital assets by criminal circles was, during the last decades of the last century and in the beginning of a new millennium, followed by the appropriate activities both of domestic legislation and of OUN, the European Council and European Union reaching a high level of consensus about crucial principles and the necessity of recognizing a financial side of corruption and money laundering and their use in fight against this invisible and hidden activity. Corruption and money laundering are the biggest sociological obstacles in the long run for successful work and progress. The most important conditions for their suppression are: the establishment of comprehensive preventive and repressive systemic control as well as political will to combat and prevent these socially undesirable behaviors.
Keywords: corruption, bribery, money laundering, criminal law, criminological aspects
Funding: The work was created as a result of research engagement according to the Plan and work program of the Institute for Criminological and Sociological Research for 2021, which is funded by the Ministry of Education, Science and Technological Development of the RS.
For citation: Igrački J., Karović S. Corruption and Money Laundering as Legal and Social Phenomena: Causes, Phenomenology, Consequences. *Viktimologiya* [Victimology]. 2021;8(3):212-225. (In Russ.)

© Igrački J., Karović S.

Научная статья
УДК 343.9

Коррупция и отмывание денег как правовые и социальные явления: причины, феноменология, последствия

Жасмина Играчки[1], Садмир Карович[2]
[1]Институт криминологических и социологических исследований
Белград, Республика Сербия, jasminaigracki@yahoo.com, ORCID: 0000-0002-0533-9033
[2]Юридический факультет, Университет в Травнике
Босния и Герцеговина, karovic.s@hotmail.com, ORCID: 0000-0003-1777-0370

Аннотация. Новая тенденция в социальных, политических и экономических отношениях с целью включения отечественной экономики в международные экономические и финансовые операции порождает новые и одновременно старые формы экономических уголовных преступлений, которые считаются гораздо более прибыльными и менее рискованными, и даже предполагается, что не существует адекватных механизмов противодействия. В данной статье мы попытались указать на то, что коррупция и отмывание денег представляют собой один из ведущих вызовов современных социальных изменений наряду с пагубными последствиями влияния «отмытых» денег на регулярные социальные события. Пагубное влияние накопления финансовых и капитальных активов преступными кругами было, в течение последних десятилетий прошлого века и в начале нового тысячелетия, сопровождено соответствующей деятельностью как отечественного законодательства, так и ОУН, Европейского Совета и Европейского Союза, достигших высокого уровня консенсуса относительно важнейших принципов и необходимости признания финансовой стороны коррупции и отмывания денег и их использования в борьбе с этой невидимой и скрытой деятельностью. Коррупция и отмывание денег являются самыми большими социологическими препятствиями в долгосрочной перспективе для успешной работы и прогресса. Важнейшими условиями для их подавления являются: создание всеобъемлющего превентивного и репрессивного системного контроля, а также политическая воля для борьбы и предотвращения этих социально нежелательных форм поведения.

Ключевые слова: криминологические аспекты; коррупция; взяточничество; отмывание денег; уголовное право

Финансирование: Работа подготовлена в результате исследовательской деятельности в соответствии с Планом и рабочей программой Института криминологических и социологических исследований (Institute for Criminological and Sociological Research) на 2021 год, финансируемой Министерством образования, науки и технологического развития Республики Сербия.

Для цитирования: Играчки Ж., Карович С. Жертва преступления: клеймо или стечение обстоятельств // Виктимология. 2021. Т. 8, № 3. С. 212–225.

The concept and definition of corruption and money laundering

There is no universal definition of the term corruption in the scientific and professional literature, because it is a multidisciplinary legal and social phenomenon that exists in all countries. There is no area that is immune to corrupt behavior by individuals. In theory, we find a lot of partial definitions that focus on some aspects of this phenomenon. This phenomenon is in center of interest of many sciences that are trying to find adequate answers and solutions of a preventive and repressive nature. However, we must

emphasize that prevention is the key to success.

From the etymological aspect the word corruption comes from Latin word *corrumpo*-meaningthe corruption, perversion, bribery, depending on a specific occasion. Corruption is generally defined descriptively what clearly indicates a possible vagueness of this term [11, p. 21]. Corruption has been associated with humans since their creation so that two thousand years ago the then prime minister of the Kingdom of India wrote about ethical and political problems of corruption [18, p. 4]. The most meaningful definition of corruption was given by Tanzi according to which the corruption exists if there is a deliberate violation of a principle of impartiality when taking decisions with a view of usurping some privilege [19, p. 15–18].

Early feudalism recognizes abuse of power and of position of which we find the evidence in *Soliski Law* (particularly in articles 50 and 51) coming upon tendency to return to the values of the Roman Law such as is for example the attempt of Frenchlégistes — law students to find definitions of criminal offences, offence regulations and the institutes of criminal law in the Digest and Codex. The most significant source on criminal offence which testify about the abuse of that epoch is Tsar Dušan`s Law Codex as well as the German Saxon Mirror from the 13th century. Since embezzlements, extortions, excessive collections and various frauds were so widely spread that they acquired a status of custom a general amnesty was enacted by a special edict in 1717 by which a special court was abolished. It was for the first time in history that the state admitted openly its weakness to cope with these problems.

The first written documents about the history of Serbian law and criminal offences regarding official responsibilities can be traced back to Nemanjić Dynasty. In our national opinion not every reward is a bribe so that in everyday practice there was an accurate difference among honour, gift, reward and treat.At the end of an early period of Serbian state there is a Law Codex of Tsar Stefan Dušan-Dušan`s Law. By the article 110 the judges who travelled throughout the state were forbidden to take "by force certain benefits or anything alike except in case whena person would present them with something out of his own free will". By the article 188 the abuse of paying a fine was sanctioned. Persons who collected fines were allowed to collect only the fines defined by a judge`s order. During the First Serbian Uprising there was a Karađorđe`s Criminal Code (found in 1903) containing 38 articles among which there are the regulations regarding the misuse of an official post and of taking bribes. The article 32 forbids the chiefs and captains or corporals to discharge from the army the soldier who took a bribe. The penaly consisted of reimbursement to the soldiers and dismissing from the service. In 1829, on 3rd March the Duke Miloš passed an instruction which was in fact a Decree on political power in Serbia. By the article 12 of this Decree it was forbidden either to take a bribe or to be fined. A 1860 Criminal Law which was based on the Prussian Criminal Code contains 29 articles which regulate criminal offences in regard to the misuse of official position or authority and of taking bribes. In the case of taking bribes the punishment was eight years for office workers and from 2 to 10 years for the judges. The 1929 Criminal Law was the first code in the Kingdom of Yugoslavia.

In Yugoslavia until 1977 criminal legislation was an integral one. The 1955 Criminal Law in the chapter 24 titled "Criminal offences against official duty" was together with criminal offences specified in the law as the actof abuse of office while in the article 325 the act of taking bribes was specified as well. A New Criminal Law due to a more efficient fight against corruption contains a separate chapter — chapter twenty-two — titled "Specific corruption crimes" containing eleven new articles. It is quite probable that this Criminal Law will be amended in near future by new articles included in a basic document of the European Council for fight against corruption titled Criminal Law Convention On Corruption[1], from 27th January 1999 taking into consideration that our country has recently become a full member of the European Council. Those offences are: taking and giving bribes in domestic (internal) relationships, bribing

[1] Crininal Law Convention on Corruption, ETS 173, 1999, Explanatory report.

foreign persons, trading in influence, corruption criminal offences in relation to international or supernational institutions, criminal offences of money laundering and other criminal offences in relation to corruption. The convention allows signatory countries a possibility to put a reserve on prescribed formulations which they are obliged to codify and sanction if they find them to be in opposition with their national legislation.

The origin of the term money laundering has been explained by Schneider and Windischbauer [16] in a similar way as Lilley [10] saying that it originated in the USA and explains the attempt of mafia to inject illegaly generated money into legal flows through "money laundering salons" which were characteristical in intensive ready money financial transactions and controlled by company acquisitions or as business formations adequate to that time. The characteristic of money laundering from an economic aspect as observed by the authors is an illegal economic activity which involves all kinds of criminal activities which are in opposition with law while the profit generated via this economic, illegal acitivity is the subject of the process of money laundering. Lilley [10] says that this concept most probably originated in the United States of America during 1920s. Solving the problem of infusing illegally generated money into legal money transactions the criminal organisations solved by taking over the enterprises with great ready money financial transactions such as laundry rooms or car wash business. The money earned by a criminal activity was mixed with the money earned by legal operation of laundries so that a dirty money came out as a legally made profit. In time, money laundering techniques improved along with the development of the conditions in which this kind of fraud is possible. Cuéllar says [2, p. 311–465] that the term money laundering appeared in 1980s during the discussion about the law on drugs and organised crime and the report of the administration of Regan, the then president of the United States, who placed a strong emphasis on the influence of money laundering as a form of crime and he defines money laundering as a process by which the existence of illegal sources or illegal use of income are covered up so that in this way acquired profit appears as legal.

1. The relationship between money laundering and corruption with criminal

Money laundering is a process in which the criminal profits are being transformed into seemingly legitimate money or other property[1]. However, in numerous legal systems, the term money laundering sometimes does not differ from other forms of financial criminal activities and sometimes it is more generally used in order to mark or to misuse a financial system (including the things like securities, digital currencies, credit cards and traditional currencies, tax evasion, terrorist financing, etc.) and to avoid international sanctions.

Money obtained by crime, such as extortion, drug trade, illegal gambling and tax evasion is "dirty". It should be "laundered" to appear as if it was generated by non-criminal activities so it is without doubt that the banks and other financial institutions will come across this money. Money can be "laundered" by a number of methods depending on complexity and sophistication. Certain legislations define money laundering as blurring the source of money either completely or partially using financial systems or services which do not reveal the sources or monitor the sources or destination. The states can but need not treat tax evasion or payments in the branches of international sanctions as an instance of money laundering. Some legislations make difference of these for the purpose of definition and some do not.

Facing this economic problem is not only in the range of theory but also in a range of practice on a global level. Domestic legislature and international organisations also deal with defining the term of money laundering. One of the most active organisations in fight against money laundering is Financial Action Task Force[2] which defines money laundering as

[1] What is Money Laundering? // Duhaime's Anti-Money Laundering & Financial Crime News. URL: https://www.antimoneylaunderinglaw.com/aml-law-in-canada/what-is-money-laundering visited 02.12.2020. at 18.45h.

[2] FATF. (2016). What is Money Laundering. Visited02.12.2020.at 20.45, http://www.fatf-gaf.org/faq/moneylaundering/#d. en.

a process of handling the means obtained by criminal activities in order to hide their origin. This process of cover-up is of a key importance since it enables the criminals to use such an obtained profit without endangering the source.

The relationship between corruption and money laundering negatively affects economy, social morals, the rule of law and legal system thus the consequences are expressed by a high degree of violating the trust in an overall legal order. Typology and methodology of performing such criminal offences have become extremely sophisticated and elusive particularly with a development of electronic transfer. Crime has no limits and its nature is extremely adaptable and unpredictable (mafia no longer kills, it buys and represents a kind of criminal enterprise which by its production seriously endangers freedom and democracy both of an individual and of an entire society). Today, crime structure is directed towards both national and international activity with prevailing direction towards profit led by an intention of obtaining illegal property benefit with a view of legalizing the obtained and infusing it into a fiscal system. Efficient combating the corruption and money laundering means in the first place to know the conditions and to discover crime factors which contribute to such origin and development and on such basis to plan preventive and repressive activities which would prevent the occurrence of new forms and enable a certain control of these manifestations. Consequences of this criminal activity are huge and represent "dark figure" which is a fruit of invisibility and cover-up due to a great help and support given by a bureaucracy, technocracy and plutocracy of a given society. In that way the respect and power are bought while the profit increases with a view of controlling an overall financial and economic system. In such a state there are no crime "problems" since criminals and their organizations possess and control the state [6, p. 109–222][1].

Fight against corruption, money laundering and terrorism cannot be led without legal mechanisms which ask for a stronger control of suspicious money transactions, easier controlling of the origin of property as well as considerable depriving of illegally acquired property in favor of the state. One of the central issues of adequacy and proper application of the law incorporates the legality of evidence, which the correct court decision directly depends on. [9, p. 191].

Corruption and money laundering are closely connected. Corruption transgressions such as bribe or theft of public property generate significant amounts of income which should be laundered — or "cleaned" in order to get into a financial system without the stigma of illegitimacy. A part of the profit made by crime will be kept for financing the future criminal activities but also for something else. Money made by crime must be "laundered" to obtain a status of money of irreproachable origin [7, p. 261]. At the same time, corruption can facilitate money laundering: corrupted officials can affect the process by which the assets are being "laundered" (regardless the crime by which it was generated) and can make possible for laundries to escape any control and sanctions. Penalties for these offenders represent only a "business risk" not criminal sanction by which the goal of individual prevention is being achieved and does not dissuade them from further doing criminal offences as long as their illegally obtained property is far from reach of government bodies.

The research of the personnel of IMF showed that the countries with a low level of control over corruption have a tendency to possess lower level of conformity to corruption and money laundering. Corruption and money laundering emerge in the form of concentric circles so they overlap from higher to lower levels of political decision making encompassing entire social levels. There are many causes of corruption in economy but their manifest forms can be differently

[1] See: Jordan, D. (2000) "Politics and drugs–dirty money and democratic states", AGM, Zagreb, pp. 109-222 (Sicilian Mafia, mostly represented by brothers Cuntrera in 80s, who bought a Caribbean island Aruba, and along with it the hotels, land, banks, police, customs officials and state bureacracy. In that period Sicilian mafia, i. e. brothers Cuntrera have deeply rooted into Venezuela and joined with Colombina cartels which operated on a global scale. The record from 1992 show that power of Sicilian mafia was so great that it exported more than 200 tons of drugs into Europe and earned $10 billion).

demonstrated. Illegally obtained money the criminals spend and invest in different ways but most commonly they are grouped into following four principal sets:

1. Spending the illegally generated profit by purchasing the goods and investing the funds into catering and hotel industry;

2. Investments of "dirty" money in a service industry (especially taxi service) and in order that such money transaction be expertly done the criminals engage lawyers and bribe bank personnel;

3. By investing the illegally generated income the criminals ensure for them and their families a high level of social status acquiring in that way a possibility to unite with politicians and to have the influence on legislative activity which they adopt to their interests;

4. Criminals have "their" politicians whom they pay and in that way participate in a political life of a country ensuring their interests at the highest social level.

Many corruption crimes are hidden in some other criminal offences or various forms of business operations which at first sight may seem completely legal. Main types of corruption are in direct relationship with functioning of a legal state, i. e. as it is realized it breaks and enacts a law. Accordingly three main types of corruption are:

1. Extra payment of the public official to effectuate the right, i. e. to achieve the right (property or service) or to expedite obtaining the right which according to the law belong to an individual or economic entity;

2. Bribing along with breaking the law, i. e. the law or sublegal act to acquire the law (property or service) which does not belong to the corrupt person according to the law or sublegal act that can have a wide range of varieties;

3. Bribing for the purpose of amending the law, i. e. adapting the legal or sublegal regulations (various regulations, orders and provisions) to the interests of a criminal in order to obtain the property or a service.

The first and second type of corruption commonly belong to a classic corruption while the third is connected with crime. However, not only in the second but also in the first and third type, according to more strict classification there is no clear limit between corruption and crime, and that is why they are sanctioned in a criminal law. At the same time, due to overlapping of these two types of corruption sometimes the difference between obtaining the law and breaking the law is not clear: in both cases official position is misused or the law is broken and that among other things impedes the analysis and identification. Subordination of judiciary system to executive authority has influenced that various forms of bribe and corruption passed outside the law, i. e. remained unpunished. That is why the corruption spread and became a component part of business operations, actually got into all pores of society and became almost a public matter. Simultaneously there is no essential difference in regard to a political option in power at that moment. Moral crisis and poverty, on one hand and occupation of majority of inhabitants by a mere survival over a long period who therefore became accustomed to corruption on the other hand has prevented a wider condemnation of this extremely destructive phenomenon by the populace. In fact, condemnation of this phenomenon on one hand is of a principled nature and on the other there is a considerable readiness of citizens to participate in corruption in the attempt to solve their problems.

Without understanding the forms of manifestation which change quickly and are difficult to be noticed the competent government bodies would not be able to prevent and control corruption. Therefore, understanding the manifestation forms of economic criminal, particularly corruption and money laundering is necessary in order to understand conditions, causes and other relevant circumstances which favour the occurrence of these activities in a given period and time, i. e. to undertake effective measures by the state and other social factors with a view of preventing and combating the corruption. By removing such circumstances and by conscious and organized activity of a wide spectrum of social forces it is certain that the danger of a destructive consequences of corruption would be reduced. Control, as one of the powerful ways of prevention should include all fields of economic and non-economic

activities endangered by corruption and money laundering. It makes possible that new forms of economic crime be perceived and criminal offences of corruption and money laundering be identified in due time. It should particularly be born in mind that with the development of international economic connections and other connections new manifest forms of corruption and money laundering are developed and they constantly improve along with the use of new and various methods and means increasingly applied in practice.

On the other hand, the phenomenon of money laundering should not be treated as an ancillary phenomenon of organized crime because, according to the degree of social danger, money laundering falls into its most dangerous aspect since it affects the most sensitive foundations of national economy as well as other forms of criminal operations. In this way, by unlawful activities the actors of this criminal activity gain an enormous ownership benefits and there is a possibility, after "legalization" of dirty money to put it into operation in the process of production, trade hotel industry, traffic, etc. The criminal offenders in many cases appear as the organizers i. e. the persons with social prestige and on a high scale of social status and behind the screen, far from the eyes of public they develop this kind of crime, manipulations and transactions [20, p. 17a]. Numerous experts claim that the American CIA is the largest "money laundering" organization of all times using a variety of mechanisms therein.

Professional criminals very often cooperate with a view of performing these activities and in this way the money is being laundered in over five hundred different organizations out of which not one is immediately connected with the USA Governments that they make a considerable influence on events in the government and politics creating [14, p. 23a] powerful groups, gangs with strongholds in police, justice and among politicians. We bear witness to the fact that the countries, regardless their political regime, economic or geographical situation, in a previous period were shaken by great corruption scandals and in this not one region in the world was and is exempted because on one hand corruption profit requires laundering while on the other corruption may facilitate the very process of laundering[1]. In addition, it is confirmed by a report[2] that all stages of the process of money laundering — placement, cover-up and integration — are present in money laundering generated by corruption regardless the way in which the corruption develops as well as the failure to apply valid measures to prevent money laundering and terrorist financing what enables corrupted officials to have free access to a global financial system.

It is beyond doubt that Serbia was not bypassed by this world trend of groundless, illegal accumulation of wealth. The laws are utterly selectively applied so that in such circumstances there appears the decline in business morale. According to their presence in social life and media various "businessmen", criminals, represent themselves as businessmen and as socially favored models of behavior. In Serbia one of the most efficient ways of "money laundering" is the setting up of so-called phantom firms, using the means of primary mission, cheap loans which soon become underestimated due to inflation[3], then on the basis of import and export licenses an exclusive distribution right was obtained for certain goods so that many became monopolists by means of fictitious and fabricated contracts or "inflated" invoices between a private and state/social enterprises and alike. To illustrate this, over recent years Serbia was shaken by numerous affairs of money laundering which got ironic titles after the actors of those affairs such as: "sugar", "armour", "suitcase", "Ericson", "Mobtel", "satellite", "Knjaz Miloš", "trade court" and alike. It must be observed that without an independent and autonomous judicature, efficient police and strong parliamentary opposition a suitable ground is created for different possibilities of misusing the official position and committing the criminal offences of corruption and money laundering. The citizens of Serbia besides (non)functioning

[1] FATF, (2011), Money laundering obtained by corruption, Ontypologies of money laundering, Working group for financial action/

[2] Source: http://www.oecd.org/fatf, visited 03.12.2020. at 22.30h.

[3] Politika, Belgrade, 23. 12. 2004.

of judiciary system and ethical crisis, see major causes of corruption in general poverty [12, p. 25–41]. This can be proved by a following survey: the most important causes of spreading of corruption [3, p. 259–260] are judiciary system of the country 35,6 % — lawlessness, non-existence of legal state 23,3 % — lack of laws 6,4 % — inefficiency of courts 5,9 % — moral crisis 19,7 % — general poverty 16,5 %. Another research on the corruption among customs officers[1], showed that the causes of corruption are: moral crisis, small wages, inefficient judiciary system, inefficient prosecuting authorities, inefficient prosecutor`s office. Tailoring the citizens` right to vote and reducing the parliament to a ballot box for remaining in power, infringement of the Constitution, controlling the regulations, passing the laws with retroactive action, only strengthened political component in Serbia since the infringement of the law has become a common practice. Today, business people unwillingly speak about it although it is an open secret that every well-to-do businessman in Serbia is a donor of more than one political party.

Representatives of a political "elite" are pillars of plutocracy, bureaucracy and technocracy. Characteristic of these social layers are certain psychic traits such as: imposture, unscrupulousness, inconsideration, greed, middle-class mentality and similar. Psychological component of money laundering indicates to a high degree a political aspects since those who decide to do such activities are typical representatives of that part of the authorities and people who indulgently flatter the leaders of their political parties and representatives of a political and economic elite. By political manipulations, intrigues, in a sly and secret way they create for themselves conditions for undisturbed operating in money laundering in tenuous relationship with organized crime and criminal underground. Criminal "elite"[2] with help of financial oligarchy and organized criminal organizations, in order to hide their criminal activity, constantly look for ethical and other aspects of lustration only for the others but not for themselves as well. They hypocritically hide their own political ambitions toremain in power or to come into power if and when they temporarily lose it.

2. Consequences of corruption and money laundering

The corruption and money laundering paradox is the regulatory function of the social and economic system, in conditions of non-functioning of the state system. This type of criminal activity is appearing especially in countries in transition, and where legislation is not respected and not enforced. This means that the non-functioning is a consequence of the lack of political will and interest of government officials, on the one hand, and on the other hand the bureaucratized apparatus of public services (law enforcement), which leads to delays in exercising rights or, with its additional interpretation, it prevents an individual or a business entity from reaching it. This is just one of the indicators of non-compliance with legal regulations, as it is a basic condition for the efficient functioning of the modern state. Corruption and money laundering, creates a situation where the legal system due to non-compliance with the law does not function even in the part where it is legally regulated. In deviant practice, when the judiciary and public security become corrupt, the state is only a step ahead of what is called a "captive state", ie it is a state in which, not only individual services and agencies, but also the top of the state, therefore the entire state, is in the jaws of corruption [14, p. 45b].

In order to gain personal benefit, there are small illegalities that citizens face in their daily communication with public officials and lower-ranking officials. Major corruption is far more dangerous for the general state interest because it is often realized at the top of the government of a state. In that sense, economic freedoms depend on: security of property rights, economic policy, freedom of contract, scope of state intervention in the economy, customs and tax burdens, quality and degree of regulation, state spending, freedom to enter business, all the way to the general state of

[1] Corruption in customs, CLDS, Belgrade, 2002:45.

[2] Those are, at the first sight, certain esteemed politicians, leaders of political parties, ministers, senators, congressmen, assembly representatives, representatives of esteemed international and national governmental and non-governmental organizations, so-called permanent fighters for democracy, rule of law and civil rights and freedom.

society, consequently, the economic and social climate. Economists also call such freedoms economic freedoms or market freedoms. The development of the market, ie short-term and long-term growth of the national economy, largely depends on the degree of economic freedoms [20, p. 242b].

The problems posed by these criminal activities have become global, and their impact on the country's financial integrity and stability is increasingly recognized. The complexity of the financial system, as well as the differences between different national legislations and anti-corruption and anti-money laundering systems, are being exploited by criminals. They are particularly interested in jurisdictions with weak or ineffective controls, where they can more easily transfer their assets without control and disclosure. In any society, insiders and oligarchs profit the most in an undeveloped institutional framework, and their power decreases only when, or better said, if liberalization and privatization are accompanied by strengthening of discipline (i. e. the judiciary and the rule of law) and creating a favourable investment climate [14, p. 3c]. The most important reasons that lead to corruption and money laundering are: 1) the government, which through its policy, through contracts, privatization and granting concessions, provides great financial benefits to individuals and companies, and entities closer to, or "selected" by the government; 2) tax evasion, especially when the tax system discourages economic activities; 3) low salaries of civil and public servants; 4) bribing politicians for good election results; 5) when the judiciary does not respect the laws, but selectively applies them depending on the affiliation to the ruling state and political structure; 6. money laundering with the all-round help of the state.

3. Law regulation

In an effort to find the most appropriate response to the challenges of transnational crime, there has been a fundamental change in the orientation of the criminal justice system, both nationally and internationally [5, p. 299–317]. Since the mid-1990s, the international community has responded to these phenomena with a multitude of international legal instruments and policy initiatives, both regionally and globally. In order to fight corruption and money laundering, an international body has been formed by the G7, FATF[1] in 1998, and later, the powers extended to the fight against terrorist financing. The FATF is a policy-making body that brings together legally, financially and legally applied experts to achieve national AML legislation and CFT[2] reforms. Since 2014, its membership consists of 36 countries and territories, as well as two regional organizations. The FATF works in collaboration with a large number of international bodies and organizations, and these entities have observer status with the FATF, which does not allow them to vote, but allows them to participate fully in plenary sessions and working groups. The FATF has developed 40 recommendations regarding money laundering and 9 special recommendations regarding terrorist financing. The FATF evaluates each member country against these recommendations in published reports, through: Monitoring members' success in implementing anti-money laundering measures, Reviewing and reporting money laundering trends, techniques and countermeasures, Promoting the adoption and implementation of FATF anti-money laundering standards globally.

The European Union also pays significant attention to money laundering as a negative and harmful phenomenon. In its Directive (91/308/EEC)[3], money laundering is defined in detail in the procedures and actions that are characteristic of this criminal offense. The United Nations and the International Monetary Fund define money laundering thoroughly, as do the United Nations Office

[1] FATF. (2016). What is Money Laundering. Preuzeto 02.12.2020.u 20.45, http://www.fatf-gaf.org/faq/money-laundering/#d. en.

[2] Anti-Money Laundering & Counter Terrorism Financing Act 2006 (Australia), the Anti-Money Laundering and Countering Financing of Terrorism Act 2009 (New Zealand), and the Anti-Money Laundering and Counter-Terrorist Financing (Financial Institutions) Ordinance (Cap 615) (Hong Kong. See also (for example) guidance on IMF and FATF websites similarly conflating the concepts.

[3] COUNCIL DIRECTIVE of 10 June 1991 on prevention of the use of the financial system for the purpose of money laundering.

on Drugs and Crime (UNODC) and the International Monetary Fund (IMF), which define money laundering in the same way as defined by the European Council Directive[1]. The International Monetary Fund defines money laundering as a process that hides the link between illicit sources and funds generated from those sources or criminal activities[2].

Although adopted through documents at both the international and national levels, there are difficulties in measuring, and the amount of money laundered each year is in the billions (US dollars) and represents a significant concern for government policy[3]. As a result, governments and international bodies have made efforts to deter, prevent, and arrest money launderers. Financial institutions are also making efforts to prevent and detect transactions involving dirty money, and as a result governments are required to avoid reputational risk. Issues related to money laundering existed as long as there were large-scale criminal enterprises. Modern anti-money laundering laws have evolved along with the modern war on drugs. In recent times, anti-money laundering legislation has been seen as an adjunct to the financial crime of terrorist financing in which both crimes usually involve the transfer of funds through the financial system (where money laundering refers to where the money came from and terrorist financing refers to where the money goes).

The interest of the international community has increased due to the financial crisis in 2008, due to the fact that the financial crisis has increased money laundering and corruption, and greater efforts have been made to reduce these criminal activities. Research conducted by the FATF, Egmont and Wolf's berg Group[4] indicates an increase in certain types of predicate offenses and that emphasis is placed on the mechanisms used in the process of money laundering and corruption, as well as the increase in fraud offenses. The study indicates that money laundering risks that were rarely seen before this financial crisis have been identified, such as: fear, panic and greed caused by loss of capital and difficult financial position of companies become endemic in the economy or within certain institutions, which increases the occurrence of the criminal offense of fraud or other criminal conduct within financial institutions and corporations.

The problem of corruption is recognized by the Council of Europe and establishes a special Multidisciplinary Group (GRECO) which provides a definition of corruption: "Corruption is bribery like any other act by a person entrusted with a responsible function in the public or private sector or as an independent agent which has the status of that kind, which was performed in order to gain illegitimate benefit for oneself or others". The Multidisciplinary Group (GRECO) prepared two concepts of the anti-corruption convention. The first of them is the "Classical Convention", which covers criminal law aspects, while the second is the so-called "Framework Convention", which should ensure the effective application of the adopted rules. Over time, the Council of Europe abandoned these two concepts and decided to adopt a single Criminal Law Convention on Corruption, on 27 January 1999. With the creation of the European Union, the need was expressed for the harmonization of legal regulations in all areas, including those that will protect member states from criminal acts of corruption. The solutions we have now are based on the harmonization of regulations in the field of criminal law of the member states, but over time the issue of real and local jurisdiction must be resolved, precisely because the perpetrators of this crime operate throughout the European Union. Given the large number of acts committed through corruption and money laundering, as well as the negative effect on the fiscal balance, the IMF has a mandate to monitor, explore ways to strengthen money laundering and terrorist financing, including the ability to conduct targeted risk-based assessments money laundering and terrorist financing regimes in countries.

[1] UNODC & IMF. (2005). Model legislation on money laundering and financing of terrorism.

[2] IMF. (2016). Finding Solutions Together.

[3] https://en.wikipedia.org/wiki/File:The_Economist_(Cover-_June_14,_2012).jpg, accessed on 03.12.2020 in 22.50h.

[4] FATF. The impact of the financial crisis on money laundering.

A significant part of criminal activities, especially organized crime, was committed with the aim of generating profit, and that profit is significant: A study conducted by the Transcrime Joint Research Center on Transnational Crime[1] found that income from organized crime within the European Union (EU) amounted to up to 110 billion euros per year[2]. The United Nations Office on Drugs and Crime (UNODC) estimates that crime revenue worldwide reaches up to 3,6% of global GDP[3]. In addition to the damage done to EU citizens, this profit from organized crime also poses a threat to the European economy, as they often invest in legitimate businesses or launder through them. The 2005 Council of Europe Convention on Laundering, Search, Seizure and Confiscation of the Proceeds from Crime and on the Financing of Terrorism (the so-called «Warsaw Convention»)[4] calls on the parties to assist other parties in enforcing non-criminal freezing and confiscation orders. the provisions are included in the Financial Action Task Force (FATF)[5].

In 1990, the Council of Europe[6] in Strasbourg adopted the Convention on Laundering, Search, Seizure and Confiscation of the Proceeds from Crime in order to clarify terms that may have different meanings in national legislation, as they appear as a bottleneck in international cooperation [4]. The Council of Europe Convention on Laundering, Search, Seizure and Confiscation of the Proceeds from Crime and the Financing of Terrorism was adopted in May 2005 as a result of the revision of previous positions, and with respect to the phenomenon of terrorism in Warsaw [5, p. 299–317]. It should be noted that this Convention, in Article 12, provides for the establishment of financial intelligence units at the national level (Financial Intelligence Unit — FIU). Legal regulations, in their content, purpose, justification and other characteristics, must be compatible with the real needs of modern society/man in terms of efficient and lawful fight and achievement of expected results, primarily in the field of prevention and then of criminal suppression [8, p. 256].

In Serbia, the Criminal Code as well as the Law on Prevention of Money Laundering[7] prescribe actions and measures taken to detect and prevent money laundering and corruption. With the aim of detecting and preventing money laundering, appropriate actions and measures are taken, during and after receiving, exchanging, storing and using property, depositing and withdrawing cash and effective foreign money from accounts, transferring property across the state border, concluding transactions for obtaining the property or other treatment of that property.

Conclusion

Corruption and money laundering are taking on newer forms, so the international community, and all states individually, will have to make many more efforts in the future to alleviate this problem if there is already a suspicion that it is impossible to eradicate it. There are numerous measures and activities for preventive action that companies, organizations, institutions and other organizations and bodies have. These measures can be: organizational, economic, legal, personnel and technical in nature. In order to prevent corruption and money

[1] https://unicatt.academia.edu/.

[2] EUROPOL citation, is the crime still being paid for? Recovery of criminal assets in the EU, Statistical Survey 2010-2014, 2016, p. 4.

[3] EUROPOL citation, is the crime still being paid for? Recovery of criminal assets in the EU, Statistical Survey 2010-2014, 2016, p. 4.

[4] Article 24.5 of the Warsaw Convention: "The Parties shall co-operate to the widest extent possible under their domestic law with those Parties which request the execution of measures equivalent to confiscation leading to the deprivation of property, which are not criminal sanctions, in so far as such measures are ordered by a judicial authority of the requesting Party in relation to a criminal offence, provided that it has been established that the property constitutes proceeds or other property in the meaning of Article 5 of this Convention".

[5] The FATF is an inter-governmental body with the objective to set standards and promote effective implementation of legal, regulatory and operational measures for combating money laundering, terrorist financing and other related threats to the integrity of the international financial system.

[6] Eg. The 1990 Council of Europe Convention on Laundering, Search, Seizure and Confiscation of the Proceeds from Crime, the 2000 UN Convention against Transnational Organized Crime, the 2003 UN Convention against Corruption (UNCAC) and the 2005 Warsaw Convention.

[7] Official Gazetta of the Republic Serbia, No. 107/2005.

laundering, the media also have an important place, such as public opinion, because they act on the consciousness of citizens and influence by shaping the public opinion in relation to specific cases of corruption. In addition, among the activities on prevention and suppression of corruption, the activity of local self-government bodies must not be neglected. Very complicated procedure for proving the origin of property, seizure and confiscation of illegally acquired property, as well as the absence of regulations on the manner of keeping and managing confiscated property, from the moment of seizure to the final decision of the court, ie another competent body, knowingly neglect the confiscation of property derived from the crime, because, proving, determining and especially keeping the property, is a specific problem that requires additional engagement, so they would delay the procedure or delay the verdict.

On 21 December 2016, the European Commission presented a proposal on mutual recognition of freezing and confiscation orders following this proposal, and on 14 November 2018, the European Parliament and the Council of Europe adopted Regulation (EU) 2018/1805[1], which will apply from 19 December 2020, which gives us hope that the internationalization of important issues related to corruption, money laundering and confiscation of criminal proceeds will enable national legislations to find a firm and secure foothold in international documents.

[1] Official Journal of the European Union. 2018 Nov; (L 303/1). http://data.europa.eu/eli/reg/2018/1805/oj, accessed on 04.12.2020 in 22.00h.

References

1. Cvjetičanin D. *Kríza zahraničného dlhu* [External debt crisis]. Prizma, Belgrade; 2003. (in Serbian).

2. Cuéllar M.F. The Tenuous Relationship Between the Fight Against Money Laundering and the Disruption of Criminal Finance. *Journal of Criminal Law and Criminology*. 2003;93:311, Stanford Public Law Working Paper No. 64. Available at: http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.354740

3. Dokic Z., Scekic A. Corruption as a severe form of crime. Proceedings of the XVI seminar of law "Serious forms of crime", Budva; 2004 June 8-12; Institute for Criminological and Sociological Research and Higher School of Internal Affairs, Belgrade, 2004, p. 259-278.

4. Golobinek R., Vujicic A., and others. Financial Investigations and Confiscation of Criminal Assets.— A Handbook for Police and Justice. Strasbourg: Council of Europe; 2006.

5. Ilic G.P., Banovic B. International standards confiscation of criminally acquired property and domestic legislation. *Pravna rijec.* 2007;IV(12):299-317.

6. Jordan D. *Drug politics: dirty money and democracies*. 1999. 296 p.

7. McClean D.J. *International Co-operation in Civil and Criminal Matters*. Oxford: Oxford University Press; 2002.

8. Karovic S., Simović M.M. Complexity of detection, investigation and proving of criminal offenses in the field of drug abuse. International scientific conference. *Drugs and Drug Addiction: Legal, Criminological, Sociological and Medical issues*. Belgrade (Serbia): Institute of Criminological and Sociological Research; 2020.

9. Karovic S., Simovic M.M. *Universal warranties of the suspect or accusedin criminal proceedings in Bosnia and Herzegovina*. Archibald Reiss Days 2020. Belgrade (Serbia): University of Criminal Investigation and Police Studies; 2020.

10. Lilley P. *Dirty dealing: The untold truth about global money laundering, international crime and terrorism*. London: Kogan Page Publishers; 2006.

11. Mrvic-Petrovic N. *Korupcija i strategija njenog suzbijanja* [Corruption and strategy for counteracting corruption]. Ĉasopis Temida; 2001 br. 4. (in Hrvatski).

12. Madzar, Lj. *Political and economic roots of corruption. Proceedings System and Corruption*. Belgrade: Center for Economic Research of the Institute of Social Sciences; 2000.

13. Mesko G., Dobovsek B. Police prevention of corruption-analysis of manifestations of corruption and changes in the philosophy of the police organization. Proceedings *Place and role of the police in crime prevention*. Police Academy, Belgrade; 2000.

14. Popović D. Winners and losers in transition. *Politika, Ekonometar*. 2003;(16).

15. Popovic M. Ekonomska analiza korupcije [Economic analysis of corruption]. *Bezbednost*. 2003;45(3):353-374. (in Hrvatski).

16. Schneider F., Windischbauer U. Money Laundering: Some Facts. *Economics of Security Working Paper 25*. Berlin: Economics of Security; 2010.

17. Stojanovic, Z. *Politika suzbijanja kriminaliteta* [Crime prevention policy]. Novi Sad; 1991. (in Hrvatski).

18. Tanzi V. Corruption Around the World: Causes, Consequences, Scope, and Cures. *IMF Staff Papers*. 1988;45(4): 559-594. https://www.imf.org/external/Pubs/FT/staffp/1998/12-98/pdf/tanzi.pdf

19. Tanzi V., Schuknecht L. *Public Spending in the 20th Century: A Global Perspective*. Cambridge University Press; 2000. https://doi.org/10.5860/choice.38-1677

20. Teofilovic, N., Jelačić, M. *Sprečavanje, otkrivanje i dokazivanje krivičnih dela korupcije i pranja novca* [Prevention, detection and proof of criminal acts of corruption and money laundering]. Belgrade: Police Academy; 2006. (in Hrvatski).

21. Teofilovic N., Jelačić M. Some foreign policy aspects of corruption and money laundering. *NBP*. No. 1/2004, Belgrade: Police Academy; 2004. (in Hrvatski).

22. Vesic D. Privatization process and level of corruption. *Ekonomski vidici*. 2004;9(3):469-475.

23. Vukovic, S. *Korupcija I vladavina prava* [Corruption and the rule of law]. Belgrade: IDN—Draganic; 2003. (in Hrvatski).

Список литературы

1. Cvjeticanin D. Kríza zahraničného dlhu. Prizma. Belgrade, 2003. (in Serbian).

2. Cuellar M. F. The Tenuous Relationship Between the Fight Against Money Laundering and the Disruption of Criminal Finance // Journal of Criminal Law and Criminology. 2003. no. 93. P. 311, Stanford Public Law Working Paper no. 64. http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.354740

3. Dokic Z., Scekic A. Corruption as a severe form of crime // Proceedings of the XVI seminar of law «Serious forms of crime» (Budva, 8–12 June 2004). Belgrade : Institute for Criminological and Sociological Research and Higher School of Internal Affairs, 2004. P. 259–278.

4. Golobinek R., Vujicic A., and others. Financial Investigations and Confiscation of Criminal Assets—A Handbook for Police and Justice. Strasbourg : Council of Europe, 2006.

5. Ilic G. P., Banović B. International standards confiscation of criminally acquired property and domestic legislation // Pravna rijec. 2007. Vol. IV, no. 12. P. 299–317.

6. Jordan D. Drug politics: dirty money and democracies. 1999. 296 p.

7. McClean D. J. International Co-operation in Civil and Criminal Matters. Oxford : Oxford University Press, 2002.

8. Karovic S., Simović M. M. Complexity of detection, investigation and proving of criminal offenses in the field of drug abuse. International scientific conference // Drugs and Drug Addiction: Legal, Criminological, Sociological and Medical issues. Belgrade : Institute of Criminological and Sociological Research Serbia, 2020.

9. Karovic S., Simovic M. M. Universal warranties of the suspect or accused in criminal proceedings in Bosnia and Herzegovina // Archibald Reiss Days 2020. Belgrade (Serbia) : University of Criminal Investigation and Police Studies, 2020.

10. Lilley P. Dirty dealing: The untold truth about global money laundering, international crime and terrorism. London : Kogan Page Publishers, 2006.

11. Mrvic-Petrovic N. Korupcija i strategija njenog suzbijanja. Casopis Temida, 2001. br. 4.

12. Madzar, Lj. Political and economic roots of corruption. Proceedings System and Corruption. Belgrade : Center for Economic Research of the Institute of Social Sciences, 2000.

13. Mesko G., Dobovsek B. Police prevention of corruption-analysis of manifestations of corruption and changes in the philosophy of the police organization // Proceedings-Place and role of the police in crime prevention. Belgrade : Police Academy, 2000.

14. Popovic D. Winners and losers in transition // Politika, Ekonometar 2003. br. 16.

15. Popovic M. Ekonomska analiza korupcije // Bezbednost. 2003. Vol. 45, no. 3. P. 353-374.

16. Schneider F., Windischbauer U. Money Laundering: Some Facts // Economics of Security Working Paper 25. Berlin : Economics of Security, 2010.

17. Stojanovic, Z. Politika suzbijanja kriminaliteta. Novi Sad, 1991.

18. Tanzi V. Corruption Around the World: Causes, Consequences, Scope, and Cures // IMF Staff Papers. 1988. Vol. 45, no. 4. P. 559–594. URL: https://www.imf.org/external/Pubs/FT/staffp/1998/12-98/pdf/tanzi.pdf

19. Tanzi V., Schuknecht L. Public Spending in the 20th Century: A Global Perspective. Cambridge University Press, 2000. https://doi.org/10.5860/choice.38-1677

20. Teofilovic, N., Jelacic, M. Sprečavanje, otkrivanje i dokazivanje krivičnih dela korupcije i pranja novca. Belgrade : Police Academy, 2006.

21. Teofilovic N., Jelačić M. Some foreign policy aspects of corruption and money laundering // NBP. 2004. no. 1. Belgrade : Police Academy, 2004.

22. Vesić D. Privatization process and level of corruption // Ekonomski vidici. 2004. Vol. 9, no. 3. pp. 469-475.

23. Vukovic, S. Korupcija I vladavina prava. Belgrade : IDN — Draganic, 2003.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Jasmina Igrački, PhD, research associate in the Institute for Criminological and Sociological Research, Belgrade, Republic of Serbia; jasminaigracki@yahoo.com, https://orcid.org/0000-0002-0533-9033

Sadmir Karović, PhD, Associate Professor, Faculty of Law, University in Travnik, Bosnia and Herzegovina, employed at the State Agency for Investigations and Protection, Bosnia and Herzegovina, karovic.s@hotmail.com, https://orcid.org/0000-0003-1777-0370

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Жасмина Играчки, д-р философии, научный сотрудник Ин-та криминологических и социологических исследований, Белград, Республика Сербия, jasminaigracki@yahoo.com, https://orcid.org/0000-0002-0533-9033

Садмир Карович, д-р философии, доцент, Юрид. факультет, Ун-т в Травнике, Босния и Герцеговина; Государственное агентство по расследованиям и защите, Босния и Герцеговина, karovic.s@hotmail.com, https://orcid.org/0000-0003-1777-0370

Дата поступления в редакцию / Received: 27.08.2021.
Дата рецензирования / Revised: 10.09.2021.
Дата принятия статьи к опубликованию / Accepted: 25.09.2021.

V ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

Научная статья
УДК 343.988

Преодоление насилия в семье в современном Китае. Гендерная политика и эволюция семейно-брачного законодательства (часть 1)

Ольга Николаевна Дунаева
Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет), Челябинск, Россия
dunaevaon@susu.ru

Аннотация. Проблема преодоления гендерного неравенства и предотвращение семейного насилия является актуальной для большинства стран Восточной Азии, в том числе, динамично и масштабно развивающегося Китая. В статье на основе культурологического и социокультурного подходов рассматривается проблема семейного (домашнего) насилия в Китае: от истоков до современности. Анализируется государственная гендерная политика и эволюция семейно-брачного законодательства Китайской Народной Республики (далее — КНР). Приведены примеры международных правовых актов, международных рейтингов, статистические данные. Представлено обсуждение результатов исследования. Отмечается, что национальная политика КНР в реализации гендерного равенства, а также доступности ресурсов для женщин, нашла свое отражение в правовой, политической, экономической и социальной сферах общества. Но юридический статус женщин превышает семейный и экономический, что указывает на декларируемое и реальное положение. Это также объясняет, почему, в мировых рейтингах (гендерного неравенства и гендерного разрыва) Китай занимает значительно различающиеся позиции. Аргументируется взаимосвязь некоторых устаревших культурных традиций, поддерживающих гендерное неравенство и их влияние на «социальное наследование» семейно-бытового насилия. Обосновываются этапы и позитивное комплексное разрешение возникающих противоречий общественного развития в процессе «социализма с китайской спецификой» и гендерной проблематики.
Ключевые слова: Китай, гендерное неравенство, насилие в семье, виктимность, жертва насилия, социальные стереотипы, семейное законодательство
Для цитирования: Дунаева О. Н. Преодоление насилия в семье в современном Китае. Гендерная политика и эволюция семейно-брачного законодательства. Часть 1 // Виктимология. 2021. Т. 8, № 3. С. 226–240.

© Дунаева О. Н.

Original article

Overcoming Domestic Violence in Contemporary China. Gender Policy and the Evolution of Family and Marriage Law (part 1)

Olga N. Dunaeva
South Ural State University (National Research University)
Chelyabinsk, Russia, dunaevaon@susu.ru

Abstract. The problem of overcoming gender inequality and preventing domestic violence is relevant for most countries of East Asia, including dynamically and extensively developing China. On the basis of culturological and socio-cultural approaches the article examines the problem of family (domestic) violence in China: from its origins to the present. It analyzes the state gender policy and the evolution of family and marriage law in the People's Republic of China (hereinafter referred to as PRC). Examples of international legal acts, international rankings and statistical data are given. A discussion of the results of the study is presented. It is noted that the national policy of the People's Republic of China in the implementation of gender equality, as well as accessibility of resources for women, is reflected in the legal, political, economic and social spheres of society. But the legal status of women exceeds family and economic status, which indicates the declared and real situation. This also explains why, in the world rankings (gender inequality and gender gap) China has significantly different positions. It argues for the interrelation of some outdated cultural traditions that support gender inequality and their influence on the "social inheritance" of domestic violence. The stages and positive complex resolution of emerging contradictions of social development in the process of "socialism with Chinese specificity" and gender issues are substantiated.
Keywords: China, gender inequality, domestic violence, victimhood, victim of violence, social stereotypes, family laws
For citation: Dunayeva O.N. Overcoming Domestic Violence in Contemporary China. Gender Policy and the Evolution of Family and Marriage Law. Part 1. *Viktimologiya* [Victimology]. 2021;8(3):226-240. (In Russ.)

Введение

Семья представляет собой фундаментальную основу общества, в которой человек приобретает первичную социализацию, усваивает основные нормы поведения, необходимые для дальнейшего функционирования в социуме. Именно семья является тем, краеугольным камнем на котором закладывается фундамент счастья и благополучие каждого ее члена, стабильность общества, внутренняя безопасность государства, возможность его прогрессивного развития. В настоящее время структура семьи, принципы семенных взаимоотношений, жесткая гендерная стратификация динамично изменяются. Под воздействием процессов глобализации, происходит переосмысление традиций, трансформация ценностей, выявление слабых звеньев позволяет освободиться от некоторых культурных рудиментов и консолидировать общество в достижение прогрессивного развития, гармонично соединяя «традиции и инновации», что демонстрирует современный Китай.

В исторической ретроспективе, патриархальные устои общества и связанные с ним патрилокальность (проживание в доме мужа), патрилинейность (наследование имущества по мужской линии), переход жены на фамилию мужа, были свойственны как для Западного, так и Восточного

мира с древних времен. Семья состояла из нескольких поколений, включала многочисленных родственников, семейно-родственными узами дорожили, заботились о престиже семьи. Семья всегда выполняла многочисленные социально-значимые функции: репродуктивную, воспитательную, хозяйственно-домашнюю, рекреационную, регулятивную. Семья была жизненно необходимой опорой не только для каждого человека, но и государства.

В гендерно-возрастных координатах положение женщин и детей того времени было зависимым в первую очередь от отца семейства, от мужа, от братьев. В семейно-бытовой сфере бесправное и приниженное положение женщин и детей, часто провоцировало рукоприкладство и вербальные оскорбления в их адрес. На Западе современный облик семья стала приобретать в эпоху Нового времени, то есть чуть более трехсот лет [9]. Вступление Запада в индустриальный XIX век и начало XX века, повлекло активное включение женщин в производство, стимулировало доступность образования для девочек и женщин, что в результате повысило их социально-политическую активность, а в последствие вовлеченность в феминистское движение за свои права. Для стран Востока в силу культурно-религиозного уклада жизни проблемы гендерного неравенства женщин актуальны по настоящее время, наблюдается дисбаланс во всех общественно значимых сферах, в том числе и семейной, а с ней наиболее тесно связан вопрос домашнего насилия, жертвами которого чаще становятся женщины и дети.

Постановка проблемы

Динамичное восхождение в мировые лидеры в социально-экономическом развитии и стабильно низкий уровень преступности в последние десятилетия, в прогрессивно развивающихся странах Восточной Азии (Китай, Япония, Сингапур, Южная Корея), имеющих различный политический строй, но сходный культурный контекст и конфуцианские традиции, вызывает активный научный интерес. Следует отметить, что в странах конфуцианского типа, основанного на принципах морали и этики, традиционно низкий уровень преступности. Процессы глобализации инициируют трансформацию традиционных ценностей, во многом отрицательно отражаются на стабильности брака, но в тоже время, активизируют решение проблем гендерного неравенства, правовую защиту интересов женщин и детей, изменяют отношение к фактам и жертвам семейного насилия [18].

Методология исследования

Общенаучные методы познания: историзм, и системный подход; анализ, синтез и обобщение. Тема исследования предполагает обращение к культурологическому и социокультурному подходам. *Культурологический* [2; 4] и *социокультурный подходы* в российских исследованиях стали наиболее актуальны в XXI веке, что связано с процессами глобализации, сближением правовых систем [19]. Трансформация традиционных ценностей, приводит к переосмыслению влияния культуры на предотвращение преступности [10], на формирование правомерного поведения граждан во всех социальных сферах и создание виктимологической безопасности государства [12].

Описание исследования

1. *Международные тенденции преодоления гендерного неравенства и защиты женщин от семейного (домашнего) насилия*

Основополагающими документами в решении наиболее актуальных проблем для мирового сообщества являются декларации и международные договоры, подписанные странами в рамках Организации Объединенных Наций (ООН), в том числе, *Декларация об искоренении насилия в отношении женщин (1993 г.)*[1]. Одним из важных направлений ООН является ликвидация дискриминации женщин, что отражено в *Пекинской*

[1] Декларация об искоренении насилия в отношении женщин: принята резолюцией 48/104 Генеральной Ассамблеи ООН от 20 декабря 1993 г. // Сборник стандартов и норм Организации Объединенных Наций в области предупреждения преступности и уголовного правосудия. Нью-Йорк : ООН, 2016 г. 550 с. URL: https://www.unodc.org/documents/justice-and-prison-reform/R_ebook.pdf (дата обращения: 10.08.2021).

декларации и Платформе действий, принятых Четвертой Всемирной конференцией ООН по положению женщин (1995 г.)[1], которая состоялась в юбилейный год — 50 лет образования ООН.

Основное внимание в Пекинской декларации сфокусировано на расширение возможностей женщин и их всестороннего участия на основе равенства во всех сферах жизни общества, включая участие в процессе принятия важных решений и доступа к власти. В декларации подчеркивается, что равные права (политические, экономические, образовательные, трудовые), равное распределение семейных обязанностей между мужчинами и женщинами, гармоничное партнерство между ними во всех сферах жизни имеют ключевое значение для их благополучия и благосостояния их семей, а также для укрепления демократических принципов и равных возможностей для всех. Пекинскую декларацию подписали 189 стран мира, Китай также взял международные обязательства по ликвидации дискриминации женщин и устранению препятствия на пути достижения равенства.

Гендерная политика государств в реализации равных прав и свобод женщин, является одним из важнейших факторов социального развития и виктимологической безопасности общества. В мировой практике для получения достоверной информации об эффективности гендерной политике государств, позволяющей осуществить сопоставительный анализ достигнутых странами результатов, а также прогноз и позитивное планирование, применяют два рейтинга.

Индекс гендерного неравенства (Gender Inequality Index), осуществляется с 2010 года — это комбинированный показатель, который измеряет существующий уровень равноправия полов в странах по трём основным категориям: 1) охрана репродуктивного здоровья; 2) гражданские права и возможности; 3) экономическая активность и возможности на рынке труда. По версии последнего исследования за 2020 год, в которое входило 162 страны, позиции в рейтинге расположены следующим образом: Южная Корея — 11; Сингапур — 12; Япония — 24; Китай — 39; США — 46; Россия — 50[2]. Отметим, что данный рейтинг рассматривается в качестве одного из ключевых показателей социального развития стран мира, таким образом, страны Восточной Азии с высоким экономическим уровнем жизни (Япония, Сингапур, Южная Корея) активно форсируют проблему гендерного неравенства, приближаясь к лидирующим позициям, а Китай заметно опережает такие страны как Россию и США, имеющих более ста лет опыта в решении гендерной проблематики.

Индекс гендерного разрыва (Global Gender Gap Index) осуществляется с 2006 года, являясь интегральным показателем, стремиться к измерению гендерных различий в возможностях и доступности имеющихся ресурсов. Показывает уровень гендерного разрыва между женщинами и мужчинами, по 14 различным переменным в четырех ключевых областях: 1) экономическое участие и карьерные возможности; 2) доступность образования; 3) здоровье и выживание; 4) политические права и возможности. Позиции 162 стран в рейтинге 2020 года расположились следующим образом: США — 53; Сингапур — 54; Россия — 81; Китай — 106; Южная Корея — 108, Япония — 121[3]. Показатели данного рейтинга свидетельствуют что, являясь лидерами в экономическом, технологическом и инновационном развитии, не только в странах АТР, но и на мировой арене, тем не менее, Китай, Япония, Южная Корея и Сингапур имеют трудности в сокращении гендерного разрыва и доступности ресурсов для женщин. В чем причины данного явления?

[1] Пекинская декларация и Платформа действий принятые на Четвертой Всемирной конференцией ООН по положению женщин, Пекин, 4–15 сентября 1995 г. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/womdecl.shtml (дата обращения: 10.08.2021).

[2] Индекс гендерного неравенства / Гуманитарный портал: Исследования // Центр гуманитарных технологий, 2006–2021 (последняя редакция 11.03.2021). URL: https://gtmarket.ru/ratings/gender-inequality-index (дата обращения: 15.08.2021).

[3] Индекс гендерного разрыва по версии Всемирного экономического форума. Гуманитарная энциклопедия: Исследования // Центр гуманитарных технологий, 2006–2021 (последняя редакция: 04.01.2021). URL: https://gtmarket.ru/ratings/global-gender-gap-index (дата обращения: 15.08.2021).

В странах Восточной Азии, где общественная жизнь построена на конфуцианских традициях гендерный вопрос и сопряженную с ним проблематику необходимо рассматривать на основе культурологического и социокультурного подходов. На Западе индивид приоритетен по отношению к коллективу, поэтому частное право выдвинуто на передний план. На Востоке коллективные права доминируют над индивидуальными, а идеал — сотрудничество и согласие, что обеспечивает гармонию (Гармония как фундаментальный принцип конфуцианской философии) социального взаимодействия и общественных отношений. В настоящее время гендерная политика в странах Восточной Азии осуществляется с разной степенью интенсивности [21]. В Японии, например, гендерный вопрос решается очень осторожно, так как не найден разумный баланс в обновлении социального статуса женщины в триаде «власть-работа-семья» с учетом требований современности и сохранением традиций, насилие в семье по отношению к женщинам и детям остается актуальным [11]. Китай с большей результативностью среди стран Восточной Азии, придерживающихся конфуцианских традиций, реализовал гендерную политику, но женщины до сих пор сталкиваются с дискриминацией в сфере трудоустройства, социальной занятости и карьерном продвижении [24].

2. Гендерно-семейная проблематика в Китае: история и современность

Конфуцианство (этико-политическое учение, основанное в VI в. до н. э., в настоящее время канонизировано) — это основа восточно-азиатской ментальности, «альфа и омега» традиционной китайской жизни, Феминистского движения женщин за свои права (в западном понимании) в Китае не было, так как считалось, что у каждого свое «установленное Небом предназначение», позволяющее сохранять Гармонию как в публичной, так и в приватной сфере, а наилучший путь к достижению Гармонии, это строгая иерархия подчиненности и почтительности («сяо»): подданных — государю, детей — родителям, жены — мужу. Пути мужчины и женщины в китайском обществе были резко разделены, в действительности даже ходить они должны были по разным сторонам улицы. Четкая биполярность мужа и жены, «ян» и «инь», как «день» и «ночь» в единстве существования семейной жизни. Социальный институт семьи и культ предков — всегда являлся наиважнейшей конфуцианской ценностью. Но женщине предназначалась подчиненная роль, функциональное обслуживание «внутреннего» домашнего мира, особые права женщина имела только в роли матери первого сына — наследника семейства.

Правовое положение женщин в истории средневекового Китая, полностью отражало ее низкий социальный статус как в семье, так и в обществе. При вступлении в брак женщина утрачивала связь с родной семьей, не могла продолжать «свой род» и «поддерживать могилы предков», у нее не было имущественных прав. Принцип «сяо» в обыденной семейной жизни, часто трансформировался в высокомерное отношение к «нижестоящим», неограниченная власть отца семейства и мужа провоцировали многочисленные ситуации агрессии по отношению к бесправным — женщинам и детям, «побить жену — семейная рутина». Главенствующее положение мужа в семье в средневековом Китае было закреплено на правовом уровне, за причинение физических увечий или убийства жены по ошибке (без умысла) муж нес незначительное наказание, чаще денежный штраф, а побои и оскорбления исключали вмешательство со стороны и считались «внутрисемейным делом» [15]. Бесправие женщин формировалось тысячелетиями, поэтому они часто становились жертвами насилия, такое положение сохранялось до начала XX века.

Первые изменения наметились с революционных событий 1911 г. и падением династии Цин. В 1921 г. была создана Коммунистическая партия Китая (1 июля 2021 г. отмечается 100-летие КПК), а символом политической активности женщин, стремлением к гендерному равенству и гражданским правам в 20–30-е годы XX в. являлась легендарная Сян Цзинъюй [1]. Но в действительности, только с момента провозглашения в 1949 году Китайской Народной Республики, впервые на правовом уровне было

признано равенство граждан, мужчин и женщин во всех сферах общественной жизни. Знаменательно, что 1949 году была создана и Всекитайская федерация женщин (ВФЖ). В 1950 году был принят первый Закон «О браке», утвердивший новые права женщин в семейно-брачных отношениях. Женщина стала полноправным членом общества, в первую очередь усилия были направлены на ликвидацию безграмотности (женщины составляли 70%), доступности школьного обучения для девочек, активного привлечения женщин к участию в трудовой (производственной) деятельности вне дома, начальной профессионализации, участию в политической жизни страны.

В 80-е годы XX века страна взяла курс на реформы, призванные изменить как «внутренний», так и «внешний» облик Китая и направленные на достижение экономического процветания, формирование гражданского общества, стабилизацию правового государства, модернизацию законодательства и правоохранительной системы. Фактически КПК стала проводить буржуазные реформы, создавая «социализм с китайской спецификой», изменившего социально-экономическую жизнь населения. В 1985 г. была одобрена Стратегия повышения статуса женщин к 2000 году. В 1992 г. был принят Закон КНР о защите прав женщин[1], в 1994 г. — Закон КНР об охране здоровья матери и ребенка, которые защищают права женщин и соблюдение равноправия между мужчиной и женщиной. Большая заслуга в принятии законов принадлежит Всекитайской федерации женщин (ВФЖ), с 1995 года она объединяет все общественные женские организации, разрабатывает социальные программы, осуществляет сотрудничество с международными организациями по вопросам гендерной политики, а также обладает влиянием на принятие решений КПК [20]. Для развития частной инициативы и предпринимательства в стране был провозглашен лозунг: «Пусть в стране будет больше богатых!», за которым, через несколько лет последовал — «Пусть в стране будет меньше бедных!» [13]. За период 2012–2020 гг. из состояния нищеты было выведено все бедное население страны, в том числе, в сельских районах — 98,99 миллионов человек и 128 тысяч деревень в 832 уездах. Для женщин в этот период были открыты курсы по изучению основ частного предпринимательства, консультативные центры по ведению индивидуального хозяйства, по итогам деятельности ВФЖ более 2, 6 млн женщин смогли создать свой бизнес уже на рубеже 2000-х гг.

В период 1979–2015 гг. государством проводилась демографическая политика, ограничивающая деторождение «Одна семья — один ребенок»[2], что содействовало более активному участию женщин в трудовой и социальной сфере. Но предпочтение рождению мальчика, приводило к вынужденным абортом женщин (социально-гендерная ценность мальчиков) и в результате к дисбалансу полов, в настоящее время мужчин в Китае на 30 млн больше, чем женщин, что создает трудности для создания брака, а если учесть, что уровень образования женщин в среднем выше чем у мужчин, то и к трудностям выбора брачного партнера. С 2016 года разрешено рождение двух детей, но многие семьи ограничиваются рождением одного ребенка, это не только последствия политики ограничения деторождения, но в большей степени символ трансформации традиций под натиском западной системы ценностей.

Семья по-прежнему считается важной ценность в китайском обществе, но ей приходится конкурировать с другими ценностями, актуальными для современного поколения [7]. Возраст вступления в брак определен Законодателем для девушек с 20 лет, для юношей — с 22 лет. Но в действительности средний брачный возраст и деторождение, особенно у городской молодежи все больше отодвигается на более

[1] Закон о гарантии прав женщин КНР (Принят 5-й сессией Всекитайского собрания народных представителей седьмого созыва 3 апреля 1992 г., с поправками, внесенными в соответствии с решением 17 сессии Постоянного комитета ВСНП десятого созыва 1 декабря 2005 г.)

[2] Закон о населении и плановом деторождении (принят 25-й сессией Всекитайского собрания народных представителей девятого созыва 29 декабря 2001 г., с поправками, внесенными в соответствии с решением 18 сессии Постоянного комитета ВСНП двенадцатого созыва 27 декабря 2015 г.)

поздний период, для женщин — после 30 лет, для мужчин ближе к 40 годам. Возросло количество разводов, повторных браков, новых форм семейной организации и взаимодействия, например, «семья выходного дня», «монородительская семья», «конкубинат» и бездетные семьи, сознательно отказавшиеся от деторождения, количество таких семей уже превышает 600 тысяч.

Изменилась практика супружеского взаимодействия и детско-родительских отношений, в том числе, большая вовлеченность отцов в процесс воспитания детей и участия в домашних делах [8]. Несмотря на прежнее почтение и уважение к старшим, происходит смещение центра значимости от старшего поколения к младшему, семья стала «детоцентрической», когда многочисленные родственники возлагают огромные надежды на единственного ребенка («маленького императора»), это создает дополнительные трудности воспитания на всех этапах взросления [3]. Социальная политика защиты «материнства и детства» в КНР получила новое развитие, в том числе, от «единственной до многообразной» поддержки матерей-одиночек [5, с. 729].

Политическая и экономическая уверенность женщин возросла, благосостояние граждан увеличилось, гендерное неравенство стало сокращаться, что отразилось на расширении социальных возможностей для женщин, прежде всего молодого поколения: качественное образование (в том числе и за рубежом) [6], улучшение здравоохранения, возможность реализации в различных сферах труда (в 2012 г. первая китайская женщина-космонавт) улучшение условий труда, но в большей степени это касается городских женщин [25]. В настоящее время в Китае самое большое количество (60 %) от всех успешных женщин-предпринимателей в мире, причем большинство из них достигли высокого благосостояния собственными усилиями. Китайские женщины миллиардеры в основном представлены в финансовой отрасли и на рынке операций с недвижимостью [21]. Первенство в рейтинге самых богатых женщин Китая, принадлежит молодому поколению — Ян Хуэйянь (1981 года рождения), состояние оценивается в 23,9 млрд долл., а в последней версии рейтинга Forbs, где представлена целая плеяда китайских бизнес-леди, Ян Хуэйянь занимает 42-е место среди самых богатых людей мира. Следует отметить, что предпринимательство играет важную роль в трудовой занятости населения Китая, гендерная политика направлена на создание условий для женщин в этой сферу, данная тенденция сохраняется и в настоящее время, особенно у молодого поколения.

Такое активное включение женщин Китая во все сферы общественной жизни, повышение уровня образования, состояния здоровья, финансовой независимости и активной социально-политической жизни, закономерно повлияли на изменение всей структуры семейно-брачных отношений, в том числе и на понимание недопустимости семейного насилия. Но в полной мере гендерная проблематика не решена и в первую очередь это отмечают китайские исследователи [26]. Государственный комитет статистики ежегодно, начиная с 1990 г. по поручению ВФЖ осуществляет мониторинг «Статус женщин Китая» на основе восприятия баланса статусов: юридического, экономического и семейного. По опросам населения юридический статус женщин всегда превышает семейный и экономический, это свидетельствует о том, что желаемое (декларируемое) и фактически существующее положение, еще далеки друг от друга, но благодаря государственной политике дистанция сокращается.

3. Закон КНР «О браке» и эволюция решения проблемы домашнего насилия в КНР

Согласно конфуцианству, брак имеет важное значение как для семьи и общества, так и для культивирования добродетели. В социальном отношении семья считается основной ячейкой общества, важнейшим элементом проведения реформ, в ней регулятивная функция социального контроля за правомерным поведением членов семьи. Общественные отношения в сфере семьи и брака регулируются Семейным законодательством, который изменялся в соответствии с государственной политикой в сфере укрепления семьи и защиты прав ее членов. В течение второй половины XX века

семейное право Китая прошло несколько этапов, эволюционируя с изменяющимися социально-экономическими условиями и трансформацией социального статуса женщины в обществе [14].

Первый этап — Первый Закон КНР «О браке» был принят в 1950 году, который провозглашал моногамию, равные права мужа и жены, отношения, построенные на взаимном уважении супругов, а также обязанности и ответственность супругов. Семья рассматривалась, прежде всего, как ячейка общества, общественные интересы превалировали над личностью. Неприхотливая жизнь большинства граждан Китая того периода не предполагала, углубленного дискурса в их семейные взаимоотношения. Закон запрещал против воли организованные браки, полигамию и выкуп за невесту. В первом Законе о браке вопросы семейного (домашнего) насилия не рассматривались, это продолжало считаться личным (семейным делом), а наказания за нанесение тяжких телесных повреждений и убийство были предусмотрены в соответствующих статьях Уголовного кодекса.

Второй этап — Второй Закон КНР «О браке» совпал с реформами и был принят в 1980 году. Модернизация социальных отношений, вовлеченность всего населения в реализацию экономических программ развития, улучшение здравоохранения, образования, более широкие профессиональные возможности для женщин, постепенный переход от сельского (более консервативного) к урбанизированному образу жизни способствовал большей свободе выбора брачного партнера. Современная городская семья стала нуклеарной, жертвами семейного насилия по-прежнему оставались женщины и дети. В Законе проблемы семейного насилия отдельно не рассматривались, в СМИ дискурс на подобные темы не поддерживался. И хотя факты семейного насилия не поощрялись и без внимания со стороны правоохранительных органов и общественных организаций не оставались, но в криминальной статистике они не учитывались и продолжали считаться личным «семейным» делом. Таким образом, многие положения закона продолжали носить декларативный характер. Однако в обществе, в том числе со стороны ВФЖ, приходит понимание, что в данной сфере необходимы решительные преобразования и правовая защита женщин от семейного насилия.

Третий этап — Реформа Закона КНР «О браке» в 2001 году. Новая редакция Закона «О браке» (далее Закон), была принята 28 апреля 2001 года и во многом базируется на тексте Закона о браке 1980 г., но со значительными поправками[1]. Принятию закона предшествовала 5-летняя тщательная подготовка, в том числе со стороны ВФЖ. За 20 лет реформ, повысилось благосостояние граждан, политическая, экономическая и социальная роль китайских женщин в обществе колоссально возросла [16]. Изменялась «семья» и не только количественно, трансформировались взаимоотношения, приоритетные ценности, самосознание, изменилось повседневное поведение мужчин и женщин.

Закон включает 51 статью, объединенных в 6 глав: Глава 1 «Общие положения»; Глава 2 «Брак»; Глава 3 «Семейные отношения»; Глава 4 «Расторжение брака»; Глава 5 «Меры по оказанию помощи и правовая ответственность»; Глава 6 «Дополнительные положения». Пятая 5-я глава являлась абсолютно новой и была посвящена вопросам предотвращения семейного насилия и его последствиям. Следует отметить, что в «Общих положениях», включающих ст. 1–4, отражены *основные* принципы брака и семьи современного Китая, с одной стороны направленных на укрепление семьи, которая всегда являлась оплотом китайской нации, поддержание таких конфуцианских ценностей как стремление к «гармонии и заботе»; с другой — направленных на демократизацию общественных отношений и усиление правовой защиты граждан, в том числе женщин и детей.

Закон закрепляет свободу заключения брака, единобрачие и равноправие мужчин и женщин (ст. 2). В ст. 4, постулируется,

[1] Закон КНР о браке (принят 3-й сессией Всекитайского собрания народных представителей пятого созыва 10 сентября 1980 г., с поправками, внесенными в соответствии с решением 21 сессии Постоянного комитета ВСНП девятого созыва 28 апреля 2001 г.)

что супруги должны быть верны друг другу и взаимно уважать друг друга; члены семьи должны почитать пожилых людей, любить детей и помогать друг другу; они должны соблюдать равноправие, а также поддерживать гармоничные и цивилизованные супружеские и семейные отношения. Закон устанавливает основные запреты: брак по сговору или с целью имущественного обогащения, двоеженство, совместное проживание одного из супругов с другим лицом (ст. 3). *Запрет на насилие в семье, а также жестокое обращение и преднамеренное неоказание помощи членам семьи (ст. 3) является одним из основных принципов.* В соответствие с принятием новой редакции Закона «О браке», были внесены соответствующие коррективы в УК КНР. Отметим только некоторые основные концептуальные аспекты Закона «О браке» (2001 г.), направленных на защиту прав женщин, детей и пожилых людей.

Во-первых, рост доходов и повышение уровня жизни стимулировал распространение внебрачных связей женатых мужчин, в том числе рождение детей от таких связей, и по существу, создание второй семьи. «Двоеженство» мужчинами не афишируется, так как запрещено Законом (ст. 3). Лица, уличенные в «двоеженстве», подлежат аресту и тюремному заключению по УК КНР сроком до двух лет. *Жена имеет право на серьезную финансовую компенсацию, при расторжении брака, как в случае «двоеженства», так и в случае издевательств, и физического насилия со стороны мужа.*

Во-вторых, значительно увеличилось количество одиноких женщин-матерей проживающих с детьми в силу развода или рожающих детей вне брака. По Закону признается только официально зарегистрированный брак (ст. 8), а так называемый «фактический» или «гражданский» брак китайским семейным законодательством не признается, но *права детей от фактических союзов защищены (ст. 25) и уравновешены с правами детей, рожденных в браке.*

В-третьих, несколько статей в Законе (ст. 10, ст. 11, ст. 12) посвящены недействительным бракам и процедуре аннулированию брака. Браки, заключенные по принуждению (ст. 11) аннулируются, действие данной статьи Закона направлено на *защиту прав женщин*, борьбу с *торговлей женщинами и насилием в отношении женщин. В случае аннулирования брака имущественные права и интересы женщин и детей защищены.*

В-четвертых, рост индивидуальных доходов мужчин и женщин, а также рост разводов сделали актуальным: 1) составление брачного договора [23]; 2) законодательное регулирование имущественных взаимоотношений супругов в случае развода; 3) предотвращение «махинаций» с совместно нажитым имуществом при расторжении брака; 4) сделан акцент на сохранение прав на имущество, которым супруги владели до брака (так как в силу увеличения разводов, увеличилось и практика повторных браков), а «страдающей» стороной чаще оказывается *женщина. Защита имущественных прав супругов отражена в Законе в ст. 17, ст. 18, ст. 19.*

В-пятых, права родителей, непосредственно не воспитывающих детей после расторжения брака на посещение детей регулируются ст. 38. Данная статья Закона подготовлена с учетом предложений со стороны общественных женских организации и судебных инстанций, поэтому детально проработана законодателем, чтобы исключить возможность конфликтных ситуаций. В том числе, можно отметить, что учитываются не только интересы супругов, но и детей: *«если посещение одной из сторон (родитель) вредно для физического и морального здоровья ребенка, то народный суд вправе прервать право на свидания с ребенком».*

В-шестых, важным является защита прав *женщин в период беременности.* В ст. 34 указано, что *в период беременности ограничиваются права мужчины на расторжение брака,* а также на 6 месяцев в случае прерванной беременности жены. Это предусматривает возможность восстановления психических и физических сил женщине после пережитых обстоятельств и связанных с ними стресса.

В-седьмых, не смотря на модернизацию семейных отношений, в обществе сохраняется традиционно-гендерное распределение домашних ролей и обязанностей,

связанных с заботой о всех членах семьи, воспитанием детей, уходом за больными и пожилыми родственниками, а также содействием в трудовых успехах другого супруга (как правило все эти функции в большей степени возлагаются на женщину). В ст. 39 и 40 отмечается, что *при разводе данная сторона имеет право на удовлетворение имущественных интересов и финансовую компенсацию.*

В-восьмых, особое внимание отводится защите прав *пожилых людей*. С каждым годом все более актуальной становится проблема, связанная со «старением» китайского общества, что потребовало законодательного регулирования отношений между представителями разных поколений в рамках семейно-родственных отношений, в то числе, между прародителями (бабушки и дедушки, а также более старшие члены семьи) и их потомками, в большей степени это касается вопросов *по финансовому содержанию и уходу в случае болезни (ст. 28 и 29).* В силу того, что государство не может в полной мере гарантировать социальное обеспечение, оно вынуждено апеллировать к традиционным семейным ценностям, отношениям семейной солидарности и взаимной поддержки. В Китае насчитывается более 120 млн человек старше 60 лет, 40–50 % из них находятся во «вдовствующем» положении, ст. 30 гарантирует право пожилых и вдовствующих людей вступать в брак (традиционно это считалось непристойным). Введение этой статьи в Закон, было вызвано тем, что «взрослые» дети были против таких союзов, демонстрировали негативное и даже враждебное отношение, в том числе *психологическое* (уклонялись от общения, отказывали во встрече с внуками), проявляли *физическое насилие*, *не оказывали финансовую поддержку. Действие ст. 30 указывает на соблюдение прав и свобод пожилых людей, а также на переосмысление конфуцианских традиций в общественном сознании в соответствие с реалиями современности.*

В-девятых, впервые в действующем Законе о браке была введена *Глава 5 «Меры по оказанию помощи и правовая ответственность» (ст. 43–49)* которая направлена на предотвращение семейного насилия и жестокого обращения в семье. Следует отметить ее новаторский характер и значимость по реализации прав женщин на оказание помощи и защиты со стороны закона, административных и правоохранительных органов, понимание и поддержку со стороны общества. Впервые «рукоприкладство» было признано основанием для развода (ежегодно до 100 тыс. супружеских пар, указывают насилие в семье, как причину развода). Предусмотренные в Законе меры призваны ограничить произвол и применение силы в решении семейных конфликтов и проблем. Но следует отметить, что вмешательство третьей стороны и оказание помощи, то есть вмешательство в «дела семьи» начинаются только после подачи жалобы жертвы насилия, что предполагает наличие высокой латентности в данной сфере.

Лицо (потерпевшая сторона) подвергающееся насилию, или жестокому обращению, или оставленное на произвол судьбы без средств к существованию имеет право на обращение за помощью в различные инстанции (*комитеты городского и сельского управления, правоохранительные органы общественной безопасности, народные суды, прокуратуру [ст. 43–44]*). Органы общественной безопасности обязаны прекратить насилие (ст. 43) и применить виновной стороне *административное наказание* в соответствии с положениями законодательства об административных наказаниях за нарушение общественного порядка, т. е. основываться в своей деятельности на законе КНР «Об административных наказаниях» (01.10.1991 г.).

Лицо, оставленное на произвол судьбы без средств к существованию, имеет право обратиться за помощью. Народный суд, обязан в соответствии с Законом, принять решение, предусматривающее *выплату материального и денежного содержания* потерпевшей стороне (ст. 44). Лицо, совершившее уголовно наказуемые поступки, связанные с домашним насилием, жестоким обращением с членами семьи или виновное в двоеженстве или преднамеренным оставлением на произвол судьбы членов семьи (ст. 45), привлекается к *уголовно-правовой ответственности* по Уголовному кодексу КНР (14. 03.1997 г.).

Обсуждение результатов исследования

1. Одним из приоритетных направлений деятельности ООН (Пекинская декларация, 1995 г.) и разработанной на этой основе «Платформы действий» является преодоление гендерного неравенства, доступность для женщин имеющимся ресурсов во всех сферах жизни (политике, экономике, образование, здравоохранение), а также прекращение и недопустимость семейного (домашнего) насилия и вредных практик, направленных против женщин и девочек. Международные тенденции прогрессивного развития оказывают влияние на национальную политику.

2. Национальная политика КНР в реализации гендерного равенства, а также доступности ресурсов, нашла свое отражение в правовой, политической, экономической и социальной сферах общества. Но юридический статус женщин превышает семейный и экономический, это свидетельствует о том, что желаемое (декларируемое) и фактически существующее положение, еще далеки друг от друга. Это также объясняет, почему, в мировых рейтингах (гендерного неравенства и гендерного разрыва) Китай занимает значительно отличающиеся позиции, но благодаря государственной политике дистанция постепенно сокращается.

3. Последовательная политика, проводимая в Китае, в рамках социально-экономической модернизации и демократизации общества, а также стабилизации государства и повышение имиджа страны на международной арене оказали сильнейшее влияние на институт семьи и брака, что нашло отражение в эволюции Закона КНР «О браке» (1950, 1980, 2001 гг.). Проведение реформ требовало безопасной среды их осуществления, государственная политика была направлена на противодействие преступности и снижение виктимности населения в первую очередь в публичной сфере. Тема семейного насилия длительное время табуировалась, впервые на правовом уровне меры защиты жертв домашнего насилия было закреплены в Законе КНР «О браке» (2001 г.).

4. Закон КНР «О браке» (2001 г.) регулирует правоотношения в сфере семейно-брачных отношений в соответствие с современными реалиями развития.

Во-первых, законодатель закрепил права и обязанности супругов при заключении и расторжении брака; защитил имущественные, финансовые и компенсационные интересы женщин и детей; защитил права женщин в период беременности; а также женщин-матерей в одиночестве воспитывающих детей; защитил права пожилых людей и определил границы ответственности и заботы о них.

Во-вторых, впервые была введена глава о мерах по оказанию помощи лицам (женщинам, детям, пожилым людям), подвергнувшимся насилию и правовой ответственности виновных.

В-третьих, национальное семейное законодательство КНР в вопросах гендерного равенства и противодействия семейному насилию было приведено в соответствие с международными стандартами, не утратив своей национальной идентичности [22]. Китай выполнил взятые международные обязательства, в том числе, Пекинскую декларацию.

Заключение

Проблема семейного (домашнего) насилия, от которого страдают в первую очередь женщины (гендерная проблематика), а также другие наиболее уязвимые члены семьи (дети, инвалиды, пожилые люди) как укоренившаяся обыденная практика поведения имеет место в большинстве стран мира (в том числе и Китае), в которых она решается с разной степенью эффективности. Впервые на государственном уровне в реформе Закона КНР «О браке» (2001 г.). обозначились первые шаги к комплексному подходу в решении проблем семейного насилия и правовой защите его жертв.

Список источников

1. Аринчева Д. А. Из истории женского революционного движения в Китае (к 125-летию со дня рождения Сян Цзинъюй) // Проблемы Дальнего Востока 2020. № 3. С. 164–180. DOI: 10.31857/S013128120010351-7

2. Бибик О. Н. Культурное измерение уголовно-правовых и криминологических исследований: теоретические и практические аспекты : автореф. дис. … д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2015.

3. Ван Я. Я. Семейное воспитание в Китае в условиях политики «Плановое деторождение» : автореф. дис. … канд. пед. наук. Санкт-Петербург, 2007.

4. Гилинский Я. И. Криминология: теория, история, эмпирическая база, социальный контроль. Авторский курс. 4-е изд., перераб. и доп. Санкт-Петербург : Издательский Дом «Алеф-Пресс», 2018. 517 с.

5. Чжан Х. С. О социальной защите детей, рожденных вне брака: взгляд из Китая // Педагогический журнал. 2019. Т. 9. № 1А. С. 727–733. DOI: 10.34670/AR.2019.44.1.106

6. Демин А. А., Дунаева О. Н. Иностранные студенты в российских вузах: проблемы и перспективы // Экономические и гуманитарные исследования регионов. 2018. № 5. С. 33–41.

7. Дунаева О. Н. Гендерный ресурс общества: карьера и лидерство // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2016. Т. 2, № 3. С. 8–18. DOI: 10.21684/2411-7897-2016-2-3-8-18

8. Дунаева, О. Н. Гендерный ресурс общества: супружество и родительство // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2016. Т. 2, № 4. С. 38–49. DOI: 10.21684/2411-7897-2016-2-4-38-49

9. Зидер Р. Социальная история семьи в Западной и Центральной Европе (конец XVIII–XX вв.) / Пер. с нем. Л. А. Овчинниковой ; науч. ред. М. Ю. Брандт. Москва : Гуманит. Изд. Центр ВЛАДОС, 1997. 302 с.

10. Квашис В. Е. К проблеме культуры противодействия преступности // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2016. № 2 (32). С. 13–20.

11. Квашис В. Е., Дунаева О. Н. Современное состояние и актуальные направления поддержки жертв преступлений в современной Японии // Виктимология. 2020. № 4 (26). С. 53–67.

12. Репецкая А. Л. Современная характеристика преступности в России и странах Азиатско-Тихоокеанского региона // Государство и правовые системы стран Азиатско-Тихоокеанского региона: становление полицентрического миропорядка и потенциал международного права и сравнительного правоведения : материалы VII Международной научно-практической конференции. Науч. ред. Ю. И. Скуратов. 2018. С. 223–230.

13. Кива А. В. Реформы в Китае и России: сравнительный анализ. Москва : Центр стратегической конъюнктуры, 2015, 304 с.

14. Манухина О. Процесс изменения семейного права в Китае (1911–2001 гг.) // Проблемы Дальнего Востока. 2006. № 6. С. 121–129.

15. Мыльникова Ю. С. Правовое положение женщин в истории средневекового Китая : автореф. дис. … канд. ист. наук. Санкт-Петербург, 2012.

16. Нань Г. Реформа закона о браке в Китае в целях предотвращения домашнего насилия // Пролог. 2014. № 1 (5). С. 47–52.

17. Остер Ш., Ван С. Как женщины заняли лидирующую роль в индустрии венчурного капитала Китая // Блумберг. 2016. 20 сентября. — URL: https://www.bloomberg.com/news/features/2016-09-19/ (дата обращения: 15.08.2021).

18. Поленина С. В., Скурко Е. В. Право, гендер и культура в условиях глобализации : монография. Москва : Формула права, 2009. 191с.

19. Смоленский М. Б. Российское право в условиях современной глобализации: социокультурный аспект, перспективы развития, связь с международным правом // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2021. № 2 (129). С. 67–71. DOI: 10.12737/20572

20. Сохатюк Н. Л. Деятельность Всекитайской федерации женщин // Труды международного симпозиума «Надежность и качество». 2019. Т. 2. С. 256–257.

21. Сухарева И. А., Третьякова О. С., Риа. Гендерное неравенство в ряде стран Азии и в России // Таврический медико-биологический вестник. 2017. Т. 20, № 1. С. 50–55.

22. Трощинский П. В. Современное законодательство КНР: проблемы и перспективы развития // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2016. № 3 (58). С. 24–31. DOI: 10.12737/20572

23. Ху Н. К вопросу о правовой природе и содержании брачного договора в современном праве Китайской Народной Республике // Закон и право. 2019. № 4. С. 87–90. DOI 10.24411/2073-3313-2019-10156

24. Хуа Т. Гендерная дискриминация и контрмеры в социальной занятости женщин Китая // Социально-трудовая сфера в России и Китае: проблемы и пути решения : материалы Международной научно-практической конференции. 2017. С. 59–65.

25. Чэнь Х. Сорок лет экономических реформ в Китае // Социологические исследования. 2019. Т. 45, № 12. С. 81–90. https://doi.org/10.31857/S013216250007778-8

26. Чэнь Ц. Гендерная политика Китая // Вестник Забайкальского государственного университета. 2016. Т. 22, № 10. С. 83–88. DOI: 10.21209/2227-9245-2016-22-10-83-88

References

1. Arincheva D.A. From the History of Women's Revolutionary Movement in China (to the 125th Anniversary of the Birth of Xiang Jingyu). *Problemy Dal'nego Vostoka* [Problems of the Far East]. 2020;(3):164-180. DOI: 10.31857/S013128120010351-7 (in Russ.)

2. Bibik O.N. *Cultural dimension of criminal-legal and criminological research: theoretical and practical aspects*. [autoref. dissertation]. Yekaterinburg; 2015. (in Russ.)

3. Wang Y.Y. *Family education in China in the conditions of "Planned Parenthood" policy.* [autoref. dissertation]. St. Petersburg; 2007. (in Russ.)

4. Gilinsky Ya.I. *Criminology: theory, history, empirical basis, social control*. 4nd ed. St. Petersburg: LLC Publishing House "Alef-Press"; 2018. (in Russ.)

5. Zhang H.S. On the social protection of children born out of wedlock: a view from China. *Pedagogical Journal*. 2019;9(1A):727-733. DOI: 10.34670/AR.2019.44.1.106.

6. Demin A.A., Dunaeva O.N. Foreign students in Russian universities: problems and prospects. *Ekonomicheskie i gumanitarnye issledovaniya regionov* [Regional Economic and Humanitarian Studies]. 2018;(5):33-41. (in Russ.)

7. Dunayeva O.N. Gender resource of society: career and leadership. *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Social'no-ekonomicheskie i pravovye issledovaniya* [Bulletin of Tyumen State University. Socio-economic and legal research]. 2016;2(3):8-18. DOI: 10.21684/2411-7897-2016-2-3-8-18 (in Russ.)

8. Dunaeva O.N. Gender resource of society: marriage and parenthood. *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Social'no-ekonomicheskie i pravovye issledovaniya* [Bulletin of Tyumen State University. Socio-economic and legal research]. 2016;2(4):38-49. DOI: 10.21684/2411-7897-2016-2-4-38-49 (in Russ.)

9. Sieder R. *Social History of the Family in Western and Central Europe (Late 18th—20th Centuries)*. Translation from German. Ovchinnikova L.A. ed.—Edition. VLADOS Publishing Center; 1997. (in Russ.)

10. Kvashis V.E. To the problem of culture of counteraction to crime. Vestnik Krasnodarskogo universiteta MVD Rossii [Bulletin of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia]. 2016;(2):13-20. (in Russ.)

11. Kvashis V.E., Dunaeva O.N. Modern state and actual directions of support to victims of crime in modern Japan. *Viktimologiya* [Victimology] 2020;(4):53-67. (in Russ.)

12. Repetskaya A.L. Modern characteristics of crime in Russia and the countries of the Asia-Pacific region. Skuratov Yu.I. sc. ed. Proceedings of the VII International scientific-practical conference. *State and legal systems of countries of the Asia-Pacific region: the formation of a polycentric world order and the potential of international law and comparative law*; 2018;223-230. (in Russ.)

13. Kiva A.V. *Reforms in China and Russia: a comparative analysis*. Moscow: Center for Strategic Conjuncture; 2015. (in Russ.)

14. Manukhina O. The process of changing family law in China (1911–2001). *Problemy Dal'nego Vostoka* [Problems of the Far East]. 2006;(6):121-129. (in Russ.)

15. Mylnikova Yu.S. *Legal Status of Women in the History of Medieval China*: Autoref. diss. Candidate of Historical Sciences: St. Petersburg; 2012. (in Russ.)

16. Nan, G. Marriage Law Reform in China to Prevent Domestic Violence. *Prolog* [Prologue]. 2014;(1):47–52. (in Russ.)

17. Oster Sh., Wang S. How Women Took a Leading Role in China's Venture Capital Industry. *Blumberg* [Bloomberg]. 2016. Sept. 20. URL: https://www.bloomberg.com/news/features/2016-09-19/ (in Russ.)

18. Polenina S.V., Skurko E.V. *Law, Gender and Culture in the Conditions of Globalization: a Monograph*. Moscow: "Formula of Law"; 2009. (in Russ.)

19. Smolensky M.B. Russian law in the conditions of modern globalization: socio-cultural aspect, prospects for development, connection with international law. *Nauka i obrazovanie: hozyajstvo i ekonomika; predprinimatel'stvo; pravo i upravlenie* [Science and education: economy and economy; entrepreneurship; law and management]. 2021;(2):67-71. DOI: 10.12737/20572 (in Russ.)

20. Sokhatyuk N.L. Activities of the All-China Women's Federation. *Trudy mezhdunarodnogo simpoziuma "Nadezhnost' i kachestvo"* [Proceedings of the international symposium "Reliability and Quality"]. 2019;2:256-257. (in Russ.)

21. Sukhareva I.A., Tretiakova O.S., Ria. Gender disparity in some Asian countries and Russia. *Tavricheskij mediko-biologicheskij vestnik* [Tavrichesky medico-biological messenger]. 2017; 20(1):50-55. (in Eng.)

22. Troshchinsky P.V. Modern legislation of the People's Republic of China: problems and prospects for development. *Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya* [Journal of foreign legislation and comparative law. 2016;(3):24-31. DOI: 10.12737/20572 (in Russ.)

23. Hu, N. On the legal nature and content of the marriage contract in the modern law of the People's Republic of China. *Zakon i pravo* [Law and Law]. 2019;(4):87-90. DOI 10.24411/2073-3313-2019-10156 (in Russ.)

24. Hua, T. Gender discrimination and countermeasures in social employment of women in China. Proceedings of the international scientific and practical conference. *Social and labor sphere in Russia and China: problems and solutions*; 2017;59-65. (in Russ.)

25. Chen, H. Forty years of economic reforms in China. *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. 2019;45(12):81-90. https://doi.org/10.31857/S013216250007778-8 (in Russ.)

26. Chen, C. Gender Politics in China. *Vestnik Zabajkal'skogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Trans-Baikal State University]. 2016;22(10):83-88. DOI: 10.21209/2227-9245-2016-22-10-83-88 (in Russ.)

(Окончание следует).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Дунаева Ольга Николаевна, старший преподаватель, кафедра Современные образовательные технологии, Институт открытого и дистанционного образования, Южно-Уральский гос. университет (национальный исследовательский университет).

454080, г. Челябинск, пр. Ленина, д. 76; dunaevaon@susu.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Olga N. Dunayeva, Senior Lecturer, Department of Modern Educational Technologies, Institute of Open and Distance Education, South Ural State University (National Research University).

76 Lenina pr., Chelyabinsk 454080, Russia; dunaevaon@susu.ru

Дата поступления в редакцию / Received: 24.08.2021.
Дата рецензирования / Revised: 18.09.2021.
Дата принятия статьи к опубликованию / Accepted: 25.09.2021.

V

Original article

Sport and Security — New Technologies

Nikolett Á. Tóth
National University of Public Service, Budapest, Hungary
mszabolcs1975@gmail.com, ORCID: 0000-0002-4682-1280

Abstract. The aim of the study is to present legal innovation, the police forces and the innovative technical and technological solutions and the links between them, which are of utmost importance in sports policing work. Sports events tend to have more and more show elements, which sets new security requirements. Security is in "follow-on mode", as incidents and terrorist acts result in constant revisiting of the definition of security. Thus, experts of both theory and practice have a great responsibility.

In recent decades, IT storage capacities, data processing and data transmission systems, IT tools and technologies have also evolved tremendously. In the 21st century our everyday life is shaped by technology and this is true of the world of sport — among other things — and, to a growing extent, of sport policing, too. Also, peak performance, similarly to guaranteeing security, requires cutting-edge technology, anyway.

In the European Football Championship 2020, to be only held in 2021 due to the Covid-19 pandemic, 12 countries are involved in the organisation. The event is also attract particular attention because of the 60th anniversary of the European Football Championship. In this relation I consider that presenting the operation and collaboration of the new innovative tools, technologies and the legal means introduced and applied in the area of sports policing is of key importance.

Keywords: sports policing, sports event, football hooliganism, security, safety, law enforcement, concept of sport policing, regulatory and technology innovation, drone detection, face recognition, data protection, privacy, COVID-19 pandemic, security and safety regulations of UEFA European Champion

For citation: Toth N. Sport and Security — New Technologies. *Viktimologiya* [Victimology]. 2021;8(3):241-254. (In Russ.)

© Tóth N. Á.

Научная статья
УДК 796.03 (343.9)

Спорт и безопасность — новые технологии

Николетт Агнес Тот
Национальный университет государственной службы, Венгрия, Будапешт
mszabolcs1975@gmail.com, ORCID: 0000-0002-4682-1280

Аннотация. Цель исследования — представить правовые инновации, полицейские силы и инновационные технические и технологические решения, а также связи между ними, которые имеют огромное значение в работе спортивной полиции. Спортивные мероприятия, как правило, содержат все больше элементов шоу, что предъявляет новые требования к безопасности. Безопасность находится в «последующем режиме», поскольку инциденты и террористические акты приводят к постоянному пересмотру определения безопасности. Таким образом, на экспертов как теории, так и практики ложится большая ответственность.
В 21 веке наша повседневная жизнь формируется под влиянием технологий, и это относится, в том числе, к миру спорта и, в растущей степени, к спортивной полиции. Кроме того, для достижения максимальных результатов, как и для обеспечения безопасности, в любом случае требуются самые современные технологии.
В организации чемпионата Европы по футболу 2020 года, который из-за пандемии Ковид-19 будет проведен только в 2021 году, участвуют 12 стран. Это событие также привлекает особое внимание в связи с 60-летием чемпионата Европы по футболу. В связи с этим я считаю, что представление работы и взаимодействия новых инновационных инструментов, технологий и правовых средств, внедренных и применяемых в области спортивной полиции, имеет ключевое значение.
Ключевые слова: спортивная полиция, спортивное мероприятие, футбольное хулиганство, безопасность, охрана правопорядка, концепция спортивной полиции, нормативные и технологические инновации, обнаружение дронов, распознавание лиц, защита данных, конфиденциальность, пандемия COVID-19, правила безопасности и охраны чемпионов Европы УЕФА
Для цитирования: Тот Н. Спорт и безопасность — новые технологии // Виктимология. 2021. Т. 8, № 3. С. 241–254.

1. Introduction

By the end of the 20th century sport had become an area of utmost importance, one of the national strategic sectors. Sport is a most complex phenomenon. It affects physical education, education policy and healthcare and its economic and socio-political significance is also growing. Today we can rightly speak about a "sports industry". As many authors notice sport is constantly gaining in importance in both internal and foreign policy and has become an important means of enhancing a country's image [1; 2; 3]. This especially applies to soccer, the most popular branch of team games, which presents numerous examples in sports law and sports policing, the area concerned with the security of sports events. This study will address the issue of legal innovation and innovative solutions adopted by police organisations and the links between them, which are of particular importance for sports policing.

2. Clarification of the concept of sports policing

In the last few years establishing, maintaining and enhancing order, safety and a sense of security in the general public and athletes has become increasingly important, mainly due to the top events of the most popular team games and individual sports becoming mass events all over the world,

including Hungary, but this paper primarily examines the Hungarian aspects. Many events of top-level sport move tens of thousands of people not only during the sports event but also before and after it. Sports events tend to have more and more show elements, which sets new security requirements. Security is in "follow-on mode", as incidents and terrorist acts result in constant revisiting of the definition of security. Thus, experts of both theory and practice have a great responsibility [7, p. 6].

More and more people attend sports events, therefore sports policing has come increasingly into the limelight. In Hungary this is a priority area also because the infrastructural background is relatively fresh. Several new stadiums and sports facilities have been built, but, in spite of that, the number of spectators falls behind the average. Still, the teams play more and more matches in fully booked stadiums, which has made guaranteeing security an even more serious policing issue.

The concept of sports policing can be placed in the system of administrative law. It is a specific area of sports administration, the intersection area of the public law segment of sports law and the specific, administrative segment of administrative law. This, more narrowly interpreted area can clearly be defined as a specialised area of law enforcement; a range of statutes regulates everything related to sports policing. They are supplemented by regulations issued by the sport federations, which also provide guidance on keeping sports policing records and securing sports events [4, p. 13].

If, nevertheless, we want to create a concise concept, we can say that sports policing is a specific part of sports administration, as the concerning legislation is supplemented by regulations issued by Hungarian and international sports federations.

The primary task of the state is to maintain and/or restore public safety at sports events and at the related venues. As organisers, sports organisations must take all the necessary measures to protect the personal safety of those attending sports events and that of their property and in order to prevent the violations of law, or initiate that these measures are taken by the competent authority. In order that the management tasks of the event are carried out in a lawful and professional way, the organiser must assign them to a hosting organisation. The organiser and the hosting organisation entrusted by it have joint liability for the event.

According to the relevant legislation, the cooperation of the following organisations is indispensable when organising sports events: police, Disaster Management, the Evaluation Committee of the National Police Headquarters, the healthcare provider, the owner and operator of the stadium, the organising and the hosting organisation.

Ticket sales and control have a key role in sports events. In the case of matches posing normal security risks the organiser will decide on the form of ticket sales. It will have the opportunity to sell personal tickets, too. In the case of matches posing high security risks, the Committee for the Evaluation of Sports Events from the Aspect of Safety will define the way of selling tickets. In the event of matches posing high security risk it is compulsory to issue personal (name) tickets. According to the Hungarian act on sport, the hosting organisation is authorised to check the spectators' identity on entry and to compare the data on the ticket with the personal data in an identification document. If the data are not identical, entry must be refused. This does not only prevent the intermingling of the different teams' fans but it also contributes to mitigating the risks of black markets and ticket touting and it facilitates the screening of undesirable (banned) persons and preventing them from entering [5].

At the sports facilities the hosting firm has the primary obligation to take measures. Under Hungarian legislation, in the stadiums, which are considered public places, the police can take part in assisting with securing matches only if contracted or — if it is necessary because of the security risk of the match — if they carry out a public service task.

The representative of the police is allowed to be present in the sports facility at matches of average or high security risk, but police forces may assist with securing a match only after conducting a contract, for remuneration. Lacking a contract, the police force must invoice the expenses incurred to the organiser

in relation to law enforcement tasks carried out with the purpose of restoring order.

3. Innovative solutions in the area of sports policing

The word *innovation* means professional improvement, introducing new methods, but the concept itself is in constant development; it is undergoing changes and includes organisational and structural innovation.

Law tends to be conservative and legal traditionalism is important. However, law also reacts to changes in social life. Promptness and reformatory approach are important in law making, too. Efficiency and the widespread use of new technologies, processes and procedures are also natural in law making. A number of tools have been at its disposal for several years. One of the most important, already existing innovative legal solutions is Act CIV of 2011, the so-called "Hooligan Act" on the modification of certain acts in order to take action against sports hooliganism. It modified the Act on the police, the Criminal Code, the Act on administrative offences, the Act on the protection of property and persons and the Sport Act.

A change really worth mentioning is the new system of sanctions introduced by the new Criminal Code, including the banning persons from sports events as a type of punishment, the development of using access control systems capable of the individual identification of spectators and setting up sports policing records [6]. Persons banned from sports events are registered in them by the National Police Headquarters. In order to maintain public order and safety, to prevent violence and disturbance, to fulfil international policing cooperation obligations and to protect citizens' rights, the police can forward data from this set of data to a foreign police organisation. They can also forward data to the organiser or the hosting organisation (if there is one) and to persons appointed by the organiser to sell tickets for the purpose of protecting the security of events, banning somebody from visiting a sports event or refusing selling tickets to them.

We can state that along with the introduction of CCTV systems, the use of access control systems and the consistent application of legal institutions such as exclusion, banning and disqualification as well asthe sports policing records also played an important role in reducing the number of illegal acts in stadiums.

In relation to the technical aspects of innovation, I think it is important to emphasise the fact that in recent decades, IT storage capacities, data processing and data transmission systems, IT tools and technologies have evolved tremendously. We only have to look at the spread and everyday use of IoT, cloud-based solutions, supercomputers and artificial intelligence. In the 21st century our everyday life is shaped by technology and this is true of the world of sport — among other things — and, to a growing extent, of sportpolicing, too. Also, peak performance, similarly to guaranteeing security, requires cutting-edge technology, anyway.

In the Sports Act, too, we can find a lot of innovative provisions. For example, according to the modification effective as of 1 January 2019, the organiser can outsource the tasks related to the organisation of the sports event to a contributor in the capacity of a volunteer, an employee or someone with another type of employment contract. The contributor — as a representative of the organiser — must assist with communicating with and providing information to the spectators and the other participants of the sports event, with getting access to the venue of the sports event and finding the way inside, with supporting the security management of the sports event and with the use services at the venue of the sports event.

Persons over the age of 18 who have no criminal records can be employed as contributors. The detailed provisions related to the employment of a contributor, his duties, training, uniform (different from that of the hosting organisation), and his identifiability are laid down by the federation in the regulations on the secure management of a sports event.

4. Challenges posed by the next UEFA European Football Championship

In the European Football Championship, to be only held in 2021 due to the Covid-19 pandemic, in the matches to be organised

in Hungary, the newly built Puskás Ferenc Stadium[1] opened in 2019 will have an outstanding role. 12 countries will be involved in the organisation of the whole European Football Championship, with 150 000 accredited persons originally estimated to request accreditation. The event will also attract particular attention because of the 60th anniversary of the European Football Championship. In this relation I consider that presenting the operation and collaboration of the new innovative tools, technologies and the legal means introduced and applied in the area of sports policing is of key importance.

The European Championship sets a serious security challenge for the countries that will organise and host this sports event. The civilised and safe running of the matches and the related events will only be realised if all the stakeholders and special areas do professional and coordinated work, through extensive international cooperation, based on partnership. Based on the experiences of the previous world contests we can say that communication and information exchange are crucial for making decisions and are the key to solving security issues [5, p. 4].

Carrying out law enforcement duties must be interpreted in a holistic way; Maintaining general order and public safety, managing the traffic, taking action against terrorism and securing the continuous flow at the border crossings will be essential during the whole event, too. International policing cooperation will also play a prominent role. The Hungarian government has guaranteed the implementation of security tasks.

The first co-ordination concerning the scheduling of security tasks took place in November 2017. By the middle of 2019 the security concept had been developed and coordination and walking through the venues have been going on ever since. The final security plan was compiled in the spring of 2020. Being presently supervised, it includes all the security regulations, considering the strict epidemiological and health rules, too. The standing working group of the Council of Europe on spectator violence also organises regular coordination events and frequently visits Hungary. The UEFA has commissioned the Hungarian Football Federation to do the tasks of the organising committee. Our experts in sports policing have, among other events, attended the UEFA seminar on stadium safety and the International Security Conference. Considering the experience of the European Championship of 2016 we can state that the greatest challenge it faced was posed, apart from the terrorist threat, by crowd management and controlling football hooliganism, access to the venues and ticket control. All the gained experience and the conclusions were built in the working material.

From the aspect of sports policing, the European Championship can be divided into three different periods, such as non-match days, pre-match days and match days. There will be 51 matches during the whole Championship, four of which will be held in Budapest. Obviously, match days are the priority periods, as this is the time when the largest number of police officers will have to be deployed on duty. Preparations for providing security will have to be started already on pre-match days, when deliveries to the stadium premises will be the most intensive and when Explosive Ordinance Disposal (EOD) checks will have to be carried out. On non-match days, staff will need to focus first of all on securing the activities of the national teams and protected leaders, the protection of accommodation and the supervision of public areas.

The process of securing the event and controlling access at the venue on match days will also be highly organised. Within the scope of protection of property and persons, the procedure of providing secure access will need to be carried out, in accordance with territorial, competence and timing aspects. The outermost zone, around the edge of the facility is called traffic perimeter. The traffic closures and the checks and entry of authorised vehicles will be carried out along this boundary. This zone is a public area, which will be of major importance when defining the range of responsibilities; therefore the police will have a decisive role. Along the boundary of this zone, the hosting organisation and/or

[1] Puskas Arena: Hungary // Football-Stadiums. Available from: https://www.football-stadiums.co.uk/grounds/hungary/puskas-ferenc-stadion/ (Accessed 31.01.2019).

the contributors will check drivers' access rights. Traffic closures will be secured by the police, who, by being present, will support the entry and examination of authorised vehicles. If needed, the police will have the powers to subject vehicles and their passengers to thorough checks. The organisers' and the hosting organisation's task will be to mark the entry points and to set up the technical devices (cordons) to secure them. The planned deployment of devices for traffic direction and traffic slowing before entry checkpoints will be the task of the police [5, p. 15].

The outer perimeter is the area surrounding the stadium in a 150 to 200 meter circle. This will be the focal point of security measures. In the case of the Puskás Ferenc Stadium this will involve security searches, preliminary checks of tickets and accreditation checks, to be carried out with the help of the following equipment: 240 metal detecting gates, 300 handheld metal detectors and 60 X-ray machines [5, p. 72].

The area called the outer perimeter might be designated several hundred metres away from the internal venue of the sports event. This way by the time spectators arrive at the immediate vicinity of the stadium they will have been searched. Entry checks will be carried out by the local security service and with the help of volunteers. The police will not take part actively in the process, they will only be present and ready to interfere if needed.

Volunteers and stewards will guide the fans to their entrance, making sure that they do not cause congestion or long queues. Only preliminary, visual ticket inspection will be done here. Containers for storing valuables will be placed in front of the checkpoints; therefore giving precise information to spectators is essential. Ticket validation will take place at the turnstile entry points. Its primary function will be to detect invalid tickets in time. In such cases the guests will need to be directed to the point where problematic tickets will be dealt with.

The Puskás Ferenc Stadium is located in the inner, urban area of Budapest[1] with two underground lines and a high-capacity tram service, but it is embedded in an urban residential area. There will be no parking area adjacent to the stadium. With this in mind, the Mobility Plan builds on public transport links and the key role of pedestrian traffic. Thus, from a safety point of view, the key priorities are:

- protecting pedestrians, completely separating them from road traffic wherever possible, without crossings, and, in order to prevent tripping over, without obstacles;
- the regulation and management of road traffic, including support by traffic police officers at the critical points;
- enhancing road safety measures taken in respect of public transport.

There is a need for close cooperation between border policing authorities during the European Championship, as it is not possible to predict in advance how the various teams will perform, how long they will be in the tournament, how their fan base will grow if they perform well and whether they will need to move from one host country to another.All of these are components that may require intervention in the original system if the current situation requires so. In this respect, special attention needs to be paid to the problem of entry rules (such as e. g. epidemiological documents, vaccination certificates that may be required by then and checking them) and of the transmission, management and storage of data, with special regard to the fact that the United Kingdom is no longer a member of the European Union.

In accordance with the Hungarian legislation, a three-level organisational structure needs to be established regarding the European Championship. By the establishment of a policy and a professional level along with the political level it will be possible to carry out the tasks properly. Responsibility issues are clearly identifiable in accordance with the legislation, Public safety and private security responsibilities can be separated as follows.

The special security protocol in the VIP sector should also be highlighted. As a rule, VIPs and their baggage are not screened. At the European Championship this will be changed at last. For example, nobody will be allowed to bring in a package larger than

[1] Puskas Arena: Hungary // Football-Stadiums. Available from: https://www.football-stadiums.co.uk/grounds/hungary/puskas-ferenc-stadion/ (Accessed 31.01.2019).

a size of A/4, and VIPs will also be subjected to clothes and baggage search when entering the sector. The UEFA thinks that EOD checks should also be conducted in this sector, too, with the help of a magnetic gate.

For the EURO 2021, integrated management will be introduced, with a common integrated control point at the Puskás Ferenc Stadium, equipped with state-of-the-art technology and technical and communication tools. It will carry out its tasks in accordance with the security concept.

The delegates involved in the management will work in a team, including the event organisers, the security manager, the police, the security manager, the disaster management, the health care provider, the specialist responsible facility management and communication and one security officer delegated by each football team.

A temporary mobile video system will be set up to monitor the approach routes to the stadium, the major public transport hubs around it and the fan zone.

Apart from the camera system in the Puskás Ferenc Stadium and the camera systems supporting the tasks related to securing the matches, a temporary camera system, supervised and controlled by one of the police organisations, will be installed along the route of the protected leader, and the equipment will be supplemented by internal network termination points.

The preparedness of the staff of the Hungarian police, their technical supply and the experience gained by securing previous events resulted in the decision that there should be low-profile police presence to secure the EURO 2021 matches. The police have applied this progressive European security model with success not only at football matches, but also at political, economic and other sports events.

The police officers working according to the low-profile concept will assist those attending the event. Plain-clothes police officers in vests with "Partner Group" on them will also be present. This will also reflect the new approach, as the sight of the police force may provoke aggression in the crowd. Dialogue-based crowd management is also used at sports events posing a security risk, laying strong emphasis on communication and mitigating tense situations. Low-profile, low-intensity security is an innovative measure. The presence of the police force in the stadium is not manifest, the units are not clustered in blocks in order to demonstrate force, but are distributed by colleagues near the neuralgic points, ready to be deployed any time.

There are combat-ready units with an adequate number of well-trained staff in readiness, in body armour under the grandstands, not to be seen by fans. Police officers are deployed in smaller groups, they are more accessible than large, close formations, and may thus contact and communicate with protesters and spectators of sports events in a proactive way. Low-profile police presence, i. e. demonstrating force to call forth the least dislike from the fans has proven to be a method that works, of course, only with a sufficient number of qualified, well-equipped police force, experienced in securing sports events, on standby. We can say that low-profile security has brought the expected results, as it has become a principle that the police should refrain from over-securing matches. Therefore, preliminary data collection is extremely important, which, of course does not completely exclude the possibility of fan disorder happening, but it can minimize it [4, p. 50–51].

5. Technological innovation I: Drone detection

As I have shown above, the organization and execution of the safe running of a major international sports event is an extremely complex law enforcement task, which requires state-of-the-art technology and equipment, such as drone detection.

Drones will pose a growing threat as, according to professional forecasts, within seven years there will be nearly 30,000 self-driving drones even in Hungary. Their regulation, control and monitoring will pose a major professional and security challenge. In this context, I find it important to remind the reader of Yuval Noah Harari's ideas, according to which mankind is developing efficient new technologies that might destroy humanity or might as well bring it to

perfection. The question is, what we can use these technologies for[1].

A few years ago, at a Serbian-Albanian football European Championship qualifier in Belgrade a drone pilot started a brawling in the crowd by showing a provocative flag. The drone carried a flag presenting Greater Albania into the stadium, enraging the home fans and thus triggering a riot within the crowd[2]. A Serbian player pulled the flag off the drone, after which he was surrounded by Albanian footballers and a scuffle broke out. The referee stopped the match but some Albanian players began to argue with him. There were firecrackers thrown in and a few fans ran into the pitch. The referee told the players to retire to the changing rooms. Meanwhile, a few fans ran after the Albanians and attacked them. The image of a non-existing Greater Albania was well suited to annoy the Serbs, as it depicted Kosovo, too, as part of it, although this province, where the majority are Albanian, has historically been a part of Serbia.

The biggest risk in developing drones is that this technology might end up in wrong hands. In extreme cases, it can even be turned into a terrorist device. There is a growing need for procedures and solutions that help with detecting drones[3]. The risk is always there whether eventually a development or a new invention is used for good or malicious purposes. Therefore, if technology gets into unauthorised hands, it can pose a major danger, which we have to reckon with.

Drones are useful for humanity, but it is only a matter of time before they are used as a tool for terrorist purposes. Drones can be equipped with explosives or biological weapons, which they can easily carry anywhere. In Hungary alone, hundreds of licensed civilian drones are used predominantly in the field of infrastructure control — aerial photography. Obviously, worldwide, especially in highly developed societies, we are experiencing a revolution in the development of drone technology. Civilian drones can also be obtained legally and can be transformed and equipped to carry out malicious intents, to meet these needs at a relatively low cost[4].

In many cases, drones are used at sports events to make illegal recordings, but one of them almost caused a tragedy once. In a match in the second round of the US Open Tennis Championship, in the Louis Armstrong Stadium a drone suddenly crashed on the terraces. Fortunately, no one was nearby, so no personal injury occurred. The game was stopped and was only resumed after the police and the firefighters established that the device was not dangerous. The drone went to pieces because of the crash, but surprisingly no camera was found in the wreck. It is frightening that, despite the strict security rules, a drone was able to fly so easily over the court, as it could even have carried a bomb.

Drone technology has the inherent problem that it is incredibly difficult to determine the exact position of drones. However, there is already a device that cansignal when they are hovering nearby. The production of devices that will alert you when a drone is detected has started. They include drone identification with the help of acoustic sensors and radio frequency analysers.

The most developed devices with audio and conventional microphones can detect the presence of drones from as far as 15 to 30 meters. In complete silence this distance can be extended to 60 to 90 meters, but they are also working on developing microphone techniques with an even wider range. In the case of radiofrequency detection, the range is 400 meters, but in testing it has also reached 600 meters[5].

In Hungary, in the Puskás Ferenc Arena the detection system in use will be able to

[1] Yuval Noah Harari idezetek // Citatum. Available from: https://www.citatum.hu/szerzo/Yuval_Noah_Harari (Accessed 22. 01. 2020).

[2] Elokerult a szerb-alban meccset kaoszba donto provokator // ORIGO sport. Available from: https://www.origo.hu/sport/futball/20150716-foci-eb-selejtezo-szerbia-albania-elokerult-a-provokator.html (Accessed 22. 01. 2020).

[3] URL: https://www.securinfo.hu/termekek/letesitmenybiztonsag/1334-novekvo-igeny-a-dronok-detektalasara.html (Accessed 21.01.2020).

[4] URL: https://www.securinfo.hu/termekek/letesitmenybiztonsag/1334-novekvo-igeny-a-dronok-detektalasara.html (Accessed 21.01.2020).

[5] URL: https://www.securinfo.hu/termekek/letesitmenybiztonsag/1334-novekvo-igeny-a-dronok-detektalasara.html (Accessed 21.01.2020).

find the source of the drone signal, which will enable the police to take measures against the operator. During the matches, the airspace will be closed. According to the current views, even the representatives of the media will not be able to use the airspace as no one will be issued the permit to fly. The UEFA has issued a detailed guide on anti-drone activities. Drone detection is also an important element of the detailed requirements regarding the organisational tasks of the European Championship.

6. Technological innovation II: Face recognition system

Security threats are a growing concern both internationally and nationally, as well as regarding the commercial activities. As threats to international borders increase, governments are introducing new regulations at airports, seaports, and public transport hubs. One of the main tasks of the law enforcement agencies is to identify the wanted persons and to detect and arrest them as soon as possible. Also, security companies and facility managers should be alert to persons unwanted in the premises or unknown ones gaining access to, or staying in the premises or offices of the facility. On the other hand, they should also be able to identify dignitaries and VIP persons who may enter the facility legally, with permission.

The role of information in society and in the economy is becoming increasingly important. We are living in an era of the fourth industrial revolution of Western civilization; digitalisation, when rapid technological development and globalisation pose new challenges to the protection of personal data and to the right to knowledge based on being given appropriate information. The exercise of state power is essentially inconceivable without data or information, and, from the aspect of information, public administration in fact is nothing more than "uninterrupted data management" [8], with respect to both the management of the citizens' personal data and the information and data of public interest produced while exercising public authority [See 9].

In Hungary the act on informational self-determination sets the purpose that everybody should be able to dispose of their own personal data and to have access to data of public interest[1].

The right to information self-determination is fundamental in the provisions of the *universal international human rights* instruments such as the Universal Declaration of Human Rights[2], the European Convention on Human Rights[3] and the International Covenant on Civil and Political Rights[4]. The general provisions of the Charter of Fundamental Rights, which have the same binding force as the EU Treaties, should also be mentioned among the general instruments of fundamental rights[5].

The regulation of the handling of biometric data is within the competence of the Member States, therefore the conditions for the use of facial recognition technologies are different in each country. Consequently, the EU's regulatory role may be enhanced in the future, as the aim should be to achieve uniformity in this field[6].

The human face, conveying people's identity, plays an important role in our social interaction. Using the human face as a "key to security", biometric face recognition technology has gained significant and prominent attention in identification in recent years, as it has a lot of application potentials in law enforcement as well as in other areas of civilian life.

[1] Act CXII of 2011 on the Right of Informational Self-Determination and on Freedom of Information // Roskomnadzor. Available from: https://pd.rkn.gov.ru/docs/Act-CXII-of-2011_on_the_Right_of_Informational_Self-Determination_and_on_Freedom_of_Information.pdf (Accessed 21.03.2021).

[2] Article 12: No one shall be subjected to arbitrary interference with his privacy, family, home or correspondence, nor to attacks upon his honour and reputation. Everyone has the right to the protection of the law against such interference or attacks.

[3] Article 8: Right to respect for private and family life.

[4] Article 17, 1.

[5] Article 7 Respect for private and family life; Article 8 Protection of personal data.

[6] Regulation (EU) 2016/679 of the European Parliament and of the Council of 27 April 2016 on the protection of natural persons with regard to the processing of personal data and on the free movement of such data, and repealing Directive 95/46/EC (General Data Protection Regulation) Article 9 (4) // Official Journal of the European Union. 2016 May;(L 119/1). Available from: http://data.europa.eu/eli/reg/2016/679/oj (Accessed 21.03.2021).

Compared to other biometric systems using fingerprint/palm print and iris diagnostics, face recognition has special advantages, as it is a process without a "physical" contact. Facial images can also be captured remotely, without getting to know the person to be identified and this does not require interaction with the person. Also, face recognition serves the purpose of "deterring" people from crimes, too, as captured and archived images can later help with high accuracy identification of a person.

The latest application is capable of "extracting" faces in real-time from existing video surveillance systems and instantly comparing them to individuals' watch list and database. When the system identifies an unauthorised person appearing on the watch list, it issues an instant alert so that appropriate measures can be taken quickly to reduce the risk to public safety threats.

In Hungary, the operation of the moving face recognition system (Mozgó Arcfelismerő Rendszer) and the stationary face recognition system (Álló Arcfelismerő Rendszer), too, is the responsibility of the organisations of the Ministry of the Interior.

Clearly, moving image analysis can be used to screen various suspicious persons at the events in particular, while the stationary face analysis system is more likely to assist in the subsequent investigation of a committed crime. The Sport Law provides details as to what photographs are included in the register that can be compared with the wanted persons, and regarding the bodies authorised to use it. Obviously, they must always indicate the purpose of its application.

One of the main elements of the strict epidemiological measures taken in all the countries because of the pandemic is the requirement of face masks. Of course, this also affects the process of face recognition, as it can be questionable or extremely difficult, in many cases impossible (see, for example, the unlocking of smartphones in masks in everyday life).

Although we should note that this issue is not new from a policing point of view. Law enforcement organisations often face situations in their work when the offender's face cannot be seen entirely during the criminal act. Therefore the developers of this technology have taken this into account earlier, too, and systems have also been accelerated and improved over the past year in combination with other biometric identification procedures. The U.S. Department of Commerce's National Institute of Standards and Technology published a related study in July 2020, which discusses in detail how to use pre-COVID-19 face recognition algorithms with people wearing masks[1].

In Hungary, analyst support for identity verification and identification of an unknown person may only be requested electronically from the organisation performing the facial analysis activity[2].

The organisation performing the facial image analysis activity and the organisation entitled to use it should conclude a cooperation agreement regarding the technical and IT security conditions for the provision and use of the facial image analysis activity [10].

The organisation entitled to use the facial image analysis activity may forward to the organisation performing the facial analysis activity only a portrait of the face at its disposal for the purpose of carrying out the facial analysis activity which the organisation entitled to use the facial image analysis activity can legally manage in accordance with the law [12].

Ensuring security is especially important when storing recordings. The security measures applied should also be reviewed from time to time, also in the light of technological developments and changes in data management conditions. Training the people who use the cameras is also an important tool for guaranteeing data security[3].

In Hungary, the Act on the Police has been modified recently. As of 1 May 2020, anyone who refuses to prove their identity

[1] Ongoing Face Recognition Vendor. Test (FRVT) Part 6A: Face recognition accuracy with masks using pre-COVID-19 algorithms // National Institute of Standards and Technology. URL: https://nvlpubs.nist.gov/nistpubs/ir/2020/NIST.IR.8311.pdf (Accessed 21.01.2019).

[2] Decree of the Minister of the Interior 78/2015 (XII. 23.) on the detailed rules of the operation of the facial image analysis system, Paragraph 2 (1).

[3] Testkamerak es adatvedelem // GDPR. Available from: https://gdpr.blog.hu/2020/01/13/testkamerak_es_adatvedelem (Accessed 20.04.2019).

can be arrested by the police. If their identity cannot be proven otherwise, the police may take a photograph of the person, which can be run through an image analysis system and compared in an automated procedure with the data in the personal data and address register (e. g. the facial image recorded when the ID card was made). After this, using the results, the police can use a dedicated tool to retrieve personal identifiable information and photographs from the register to identify the recipient [11].

We can consider an innovative legal measure that, as of January 1, 2019, the Sports Act allows the registration of facial images in the sports policing system. This provides that the legal authority should include the images in the sports policing registry in the database that the face recognition system will work with.

The organiser shall forward the name, place and date of birth, facial image, duration of the exclusion, the name of the sports facility and the range of sporting events covered by the exclusion to the sports policing registry within three days, and also to the visiting sports organisation. If, on the basis of the transmitted data, the visiting sports organisation does not decide on the exclusion of the person from attending the sporting event, it should delete the transmitted data within eight days of receipt. During the exclusion term the organiser should treat the exclusion decisions and the personal data contained in them in accordance with the data protection rules.

The sports policing registry must include the following data of persons excluded from attending the sports event or banned from sports events or sports facilities by the organising or the visiting sports organisation, the administrative offences authority or court and of persons with a restraining order abroad: first and last name, place and date of birth, mother's first and last name and facial image. The most recent amendment to the law has already entered into force. According to it, the data of a foreign court decision of similar content may also be included in the register. This makes it possible to request data from countries playing matches during the run-up to the EURO 2021 Championship and to manage them. In this connection, the UEFA data management regulations, which are guidelines for all organising countries, must be observed in every respect1. The system will operate at the football matches of the 2021 European Championship in Hungary, as part of the activities of the police to secure the events.

The creation of two regulations in 2015 can be considered an innovative legal solution: Act CLXXXVIII of 2015 on the facial image analysis register and on the facial image analysis system and the Decree of the Minister of the Interior 78/2015 (XII. 23.) on the detailed rules of the operation of the facial image analysis system.

In accordance with these regulations, a personal image processing system is an IT application that is capable of creating and comparing profiles to facilitate personal identification. The purpose of keeping a facial image profile register is to prevent, counteract, detect and interrupt crimes, and to arrest and prosecute offenders.

Another major innovative technological solution will help thework of the police during the 2021 European Football Championship: an in-house navigation system, a mobile application developed and tested by the Riot Police, which will also help finding one's way within the stadium.

7. Summary and conclusions

In conclusion, we can state that everything Lord Chief Justice Peter Taylor, influenced by the stadium disasters, established in his detailed analysis in 1989 is valid guidance even today. His proposals radically changed the image of modern British and eventually of European football. Even back then he argued for and urged the creation of new, innovative legal institutions to speed up sentencing and increase punishment rates, which would help keep offenders and hooligans away from the pitches. His ideas of that time have been fully realized, as shown by the examples of the innovative legal and technological measures presented in my study. Order is a fundamental value in every society. With the help of these tools and trained sports policing professionals,

[1] UEFA Privacy Policy // UEFA.com. Available from: https://www.uefa.com/privacypolicy/ (Accessed 21.03.2019).

safety will be guaranteed at the 2021 European Football Championship, too.

According to the currently effective decisions, the postponed European Football Championship will be held in 2021 but, due to the effects of the coronavirus pandemic, it will most probably be conducted in front of a limited number of spectators. After all, the COVID-19 situation is changing dynamically and often in an unpredictable way, both in terms of epidemiology and of countermeasures taken by national governments. Although it is not yet possible to create a completely risk-free environment due to the low level of vaccination coverage, the goal is to reduce the risk as much as possible by following current health advice, standards and best practices. At the European Football Championship, minimizing the risk of COVID-19 depends on thorough preparation and on-the-spot organisation, but it also highly depends on the cooperation, behaviour and understanding attitude of the teams, players, officials, technical staff and UEFA referees, UEFA stadium staff and all the target groups involved in the matches. The UEFA expects all stakeholders to apply best hygiene practices, both in controlled matches and in their own daily lives. It is therefore essential that the entire range of stakeholders strictly adhere to the precautions and general hygiene rules. Violators of the rules, however, should be subject to the most severe sanctions.

So far there are no related finalised data, information or regulations available. During the period when epidemiological restrictions were eased, in Hungary championship and international football matches were held with a limited number of spectators and the experience so far clearly shows that itis not a simple task to make even a smaller number of football fans obey health and hygiene rules and regulations. When I have the opportunity to summarise the available experience and the new regulations are accessible, I wish to elaborate on and give a detailed presentation of them in another study.

References

1. Volkova M.A., Krasnova K.A. *Reklamnaya deyatel'nost' v professional'nom sporte kak ob"ekt ugolovno-pravovoj ohrany* [Advertising activity in professional sports as an object of criminal law protection]. In: Lenkovskaya R.R., Starodumova S.Yu. (ed.). Collection of articles prepared for the Lawyer's Day within the implementation of research activities at the Faculty of Law. Moscow; 2020. P. 27-32. (in Russ.)

2. Krasnova K.A. The Importance of Educational and Outreach Activities in Preventing Corruption in Professional Sports. *Problemy i perspektivy razvitiya fizicheskoj kul'tury i sporta* [Problems and prospects of development of physical culture and sports.] Materials XVIII All-Russian scientific-practical conference; 2020 Nov. 18; Kemerovo: Kemerovo State University; 2020. C. 88-90. (in Russ.)

3. Krasnova K.A. On the role of information exchange in the system of measures to prevent illegal behavior of football fans. *Ugolovno-pravovye i kriminologicheskie problemy protivodejstviya prestupnosti v sporte* [Criminal-legal and criminological problems of combating crime in sport.]: Collection of articles on the results of the All-Russian scientific and practical round table; 2020 Oct. 31; Saint Petersburg: Asterion; 2020 p. 58-62. (in Russ.)

4. Tóth N.Á. *Sportrendészet a sportigazgatás rendszerében* [Sports policing in the system of sports administration.] National University of Public Service, Faculty of Political Science and Public Administration, Budapest. 2019. (in Hungary) — http://real.mtak.hu/107374/

5. EURO 2020 SSNC Concept Briefing Munkaanyag. [Working material]. Budapest, 2019, 15.

6. Tóth N.Á. *A sportrendészet helye és szerepe a sportigazgatás rendszerében* [The place and role of sports policing in the system of sports administration] Belügyi Szemle, 2018;66(5):116–131. https://doi.org/10.38146/BSZ.2018.5.7 (in Hungary)

7. Geldibaev M.Kh., Dikaev S.U., Krasnova K.A., Filatova N.Yu., Tsvetkov P.V. Defining corruption and fraud in professional sport. In: Alekseeva A.P., editor. Proceedings of the IX Baltic Legal Forum "Law and Order in the Third Millennium"; 2020 Dec 11; Kaliningrad. https://doi.org/10.1051/shsconf/202110802008

8. Patyi, András. A közigazgatási eljárásjog és perjog változásai és összefüggései. [The changes of and the relationship between administrative procedure law and the rules of court.] In: Benisné, Győrffy, Ilona (ed.) Fourteenth Hungarian Lawyers' Meeting; 2018 Oct. 4-6; Budapest, Hungary: Hungarian Lawyers' Association; 2018 p.150-160. (in Hungary)

9. Péterfalvi A., Révész B., Szalai A. *A közigazgatás adatkezelő tevékenysége* [The data management activities of public administration]. In: Temesi, István (ed.) *A közigazgatás funkciói és működése* [The functions and functioning of public administration]. Budapest, Hungary; 2013 p. 265-295. (in Hungary)

10. Decree of the Minister of the Interior 78/2015 (XII. 23.) on the detailed rules of the operation of the facial image analysis system, Paragraph 2(1).

11. Act XXXIV of 1994 on the Police, paragraph 29 (4).

12. Act CLXXXVIII of 2015 on the facial image analysis register and on the facial image analysis system Paragraph 10 (1).

Список источников

1. Волкова М. А., Краснова К. А. Рекламная деятельность в профессиональном спорте как объект уголовно-правовой охраны // Сборник статей, подготовленный к дню юриста в рамках осуществления научно-исследовательской деятельности на Юридическом факультете. Под редакцией Р. Р. Ленковской, С. Ю. Стародумовой. Москва, 2020. С. 27–32.

2. Краснова К. А. Значение просветительских и воспитательных мероприятий в предупреждении коррупции в профессиональном спорте // Проблемы и перспективы развития физической культуры и спорта : материалы XVIII Всероссийской научно-практической конференции (Кемерово, 18 ноября 2020 г.). Кемерово : Кемеровский государственный университет, 2020. С. 88–90.

3. Краснова К. А. О роли обмена информацией в системе мер предупреждения противоправного поведения футбольных // Уголовно-правовые и криминологические проблемы противодействия преступности в спорте : сборник материалов статей по результатам Всероссийского научно-практического круглого стола (Санкт-Петербург, 31 октября 2020 г.). Санкт-Петербург : Астерион, 2020. С. 58–62.

4. Tóth N. A. Sportrendészet a sportigazgatás rendszerében // National University of Public Service, Faculty of Political Science and Public Administration. Budapest, 2019.

5. EURO 2020 SSNC Concept Briefing Munkaanyag. [Working material]. Budapest, 2019.

6. Tóth N. A. A sportrendészet helye és szerepe a sportigazgatás rendszerében // Belügyi Szemle. 2018, vol. 66, no. 5, pp. 116–131. https://doi.org/10.38146/BSZ.2018.5.7

7. Geldibaev M. Kh., Dikaev S. U., Krasnova K. A., Filatova N. Yu., Tsvetkov P. V. Defining corruption and fraud in professional sport // IX Baltic Legal Forum «Law and Order in the Third Millennium» (Kaliningrad, 2020 Dec 11). https://doi.org/10.1051/shsconf/202110802008

8. Patyi A. A közigazgatási eljárásjog és perjog változásai és összefüggései // Tizennegyedik Magyar Jogászgyűlés (Balatonalmádi, 2018 október 4–6). Budapest : Magyar Jogász Egylet. 2018. P. 150–160.

9. Péterfalvi A., Révész B., Szalai A. A közigazgatás adatkezelő tevékenysége // A közigazgatás funkciói és működése / Temesi, István (ed.). Budapest, Hungary; 2013, pp. 265–295.

10. Decree of the Minister of the Interior 78/2015 (XII. 23.) on the detailed rules of the operation of the facial image analysis system, Paragraph 2 (1).

11. Act XXXIV of 1994 on the Police, paragraph 29 (4).

12. Act CLXXXVIII of 2015 on the facial image analysis register and on the facial image analysis system Paragraph 10 (1).

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Dr. **Nikolett Ágnes Tóth**, PhD, Police lieutenant colonel, Assistant Professor, Faculty of Law Enforcement, National University of Public Service.

Budapest, Hungary.
mszabolcs1975@gmail.com
http://orcid.org/0000-0002-4682-1280

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Тот Николетт Агнес, доктор философии, подполковник полиции, доцент факультета правоохранительной деятельности, Национальный университет государственной службы.

Венгрия, Будапешт.
mszabolcs1975@gmail.com
http://orcid.org/0000-0002-4682-1280

Дата поступления статьи / Received: 11.08.2021.
Дата рецензирования / Revised: 25.06.2021.
Дата принятия статьи к опубликованию / Accepted: 20.09.2021.

V РЕЦЕНЗИИ

Научная статья
УДК 343.9

Рецензия на монографию «Бегишев И.Р. Автономная робототехника в системе уголовно-правовых отношений. Москва : Проспект, 2022. 160 с.»

Альбина Александровна Шутова
Ижевский институт (филиал), Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России), Ижевск, Россия
shutova1993@inbox.ru

Аннотация. В данной работе дается оценка содержания монографии И. Р. Бегишева, посвященной ультрасовременной проблеме — определению места автономной робототехники в системе уголовно-правовых отношений. Отмечается актуальность работы, а также научная новизна большинства рассматриваемых вопросов. Представленная в рецензии положительная оценка работы обусловлена авторским инновационным подходом к рассмотрению отдельных аспектов исследуемой проблемы,а также широкой совокупностью представленных правоотношений в области робототехнических технологий, которые придают данной монографии особую ценность.

Ключевые слова: робот, робототехника, автономный робот, автономная робототехника, летальное автономное оружие, беспилотные транспортные средства, уголовная ответственность, криминологический риск, уголовное право, криминология, рецензия
Для цитирования: Шутова А. А. Рецензия на монографию «Бегишев И. Р. Автономная робототехника в системе уголовно-правовых отношений. Москва : Проспект, 2022, 160 с.» // Виктимология. 2021. Т. 8, № 3. С. 255–263.

© Шутова А. А.

Review

Review of the monograph: Begishev I. R. «Autonomous Roboticsin the System of Criminal Law Relation»

Albina A. Shutova
Izhevsk Institute (branch) All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia) Izhevsk, Russian
shutova1993@inbox.ru

Abstract. This paper assesses the content of the monograph by I. R. Begishev, dedicated to the ultramodern problem-determining the place of autonomous robotics in the system of criminal law relations. The relevance of the work is noted, as well as the scientific novelty of most of the issues under consideration. The positive assessment of the work presented in the review is due to the author's innovative approach to the consideration of certain aspects of the problem under study, as well as a wide range of legal relations in the field of robotic technologies, which give this monograph a special value.

Keywords: robot, robotics, autonomous robot, autonomous robotics, lethal autonomous weapons, unmanned vehicles, criminal liability, criminological risk, criminal law, criminology, review

For citation: Shutova A. A. Review of the monograph: Begishev I. R. "Autonomous Roboticsin the System of Criminal Law Relation". *Viktimologiya* [Victimology]. 2021;8(3):255-263. (In Russ.)

Введение

Монографическое исследование И. Р. Бегишева представляет собой уникальную в своем роде работу, в которой обобщены основные имеющиеся на сегодняшний день теоретико-правовые подходы к решению проблемы определения в доктрине уголовного права места для автономной робототехники.

Искусственный интеллект сегодня получает высоко интенсивное развитие, и, несомненно, его место в правовом поле должно быть определено достаточно четко во избежание различных правовых коллизий — такая позиция просматривается практически во всех работах, посвященных данной проблеме [1–14]. Однако автономные машины, представляющие собой наиболее высший уровень развития робототехники, в отличие от своих аналогов низшего порядка, уже выступают как некие объектно-субъектные явления, которые способны к совершению тех или иных противоправных деяний. Несомненно, указанные деяния автономных машин входят в круг уголовно-правовых отношений. Однако уголовное законодательство, как отечественное, так и зарубежное, в данном разрезе на сегодняшний день чрезвычайно бедно и не способно полноценно регулировать общественные отношения с участием автономных роботов.

Описание исследования

Монография «Автономная робототехника в системе уголовно-правовых отношений» [15] заканчивает группу научных статей автора, посвященных исследованию различных аспектов уголовно-правового регулирования автономной робототехники [16–52].

Автор научной работы достаточно подробно исследовал проблему, обозначенную в наименовании своего труда. С этой целью он грамотно структурировал представленный материал, разделив его на четыре главы.

В первой главе работы И. Р. Бегишев исследует уголовно-правовые и криминологические аспекты разработки, производства и применения роботов. Открывает данную главу автор исследованием проблем,

связанных с правовым регулированием роботов. Основными, на взгляд И. Р. Бегишева, здесь являются такие проблемы, как отсутствие алгоритмической прозрачности, уязвимость кибербезопасности, дискриминация личности, проблемы правового статуса роботов, а также сложность с решением вопросов конфиденциальности и защиты данных. Именно совокупность указанных проблем, по мнению автора, выступает основной причиной отсутствия на современном этапе системы уголовно-правовых актов, способных к полноценному регулированию уголовно-правовых отношений, происходящих с участием роботов.

Определенное внимание автором уделено определению и характеристике криминологических рисков разработки, производства и применения роботов, а также ключевым аспектам обеспечения уголовно-правовой охраны общественных отношений с участием роботов.

Если первая глава монографии носит вводный характер в тему всего исследования, то остальные три части посвящены непосредственно анализу уголовно-правовых отношений, возникающих при участии роботов высшего порядка — автономных машин. Каждая отдельная глава работы посвящена определенной группе таких машин: беспилотным транспортным средства, автономному летальному оружию и автономным роботам.

Во второй главе, которая посвящена определению места в системе уголовно-правовых отношений для беспилотных транспортных средств, автор подробно исследует проблемы их правового регулирования, в процессе чего приходит к выводу о необходимости корректировки правил дорожного движения, в которые будет включен беспилотный транспорт, а также о необходимости формирования единой классификации беспилотных транспортных средств. Рассматривая криминологические риски, автор указывает, что автоматизированная система управления транспортным средством может порождать ситуации, при которых решение вопроса о виновности водителя достаточно затруднительно.

Исследуя особенности ответственности за вред, причиненный беспилотными транспортными средствами, И. Р. Бегишев отмечает, что решение вопроса об ответственности за вред, причиненный высокоавтоматизированным транспортным средством, требует комплексного подхода.

Третья глава работы иллюстрирует существующую ситуацию, касающуюся определению места летального автономного оружия в системе уголовно-правовых отношений. Учитывая, что на сегодняшний день технологии, применяемые в военной отрасли, усложняются со скоростью геометрической прогрессии, а летальное автономное оружие представляет собой наивысшую опасность для человечества в целом, вопрос, поднятый автором в указанной главе, чрезвычайно важен.

В первом параграфе данной главы И. Р. Бегишев обозначает летальное автономное оружие как потенциальную угрозу для мира и безопасности человечества. Приводя весомые аргументы в защиту указанного тезиса, исследователь считает, что без принятия соответствующего законодательства на международном уровне в рамках ограничения применения данного вида оружия оно может стать серьезной угрозой для жизни всей планеты уже в ближайшее время.

Логически продолжает указанную мысль автора параграф, в котором исследуются этико-правовые аспекты применения летального автономного оружия в процессе ведения войн и боевых действий. Здесь, по мнению исследователя, чрезвычайно важна правильная оценка этического поля применения автономных боевых машин, а также построение правовой оценки их действий, учитывая моральные нормы и принципы.

Также в данной главе автор определяет основные криминологические риски применения летального автономного оружия и призывает учесть их при разработке нормативных правовых актов в рассматриваемой области регулирования.

Последняя, четвертая глава монографии, посвящена исследованию правосубъектности автономных роботов, а также возможности применения к ним различных видов наказания за совершенные уголовно наказуемые деяния. Останавливаясь на широкой дискуссионности первого вопроса

и проблематичности правового решения второго, И. Р. Бегишев отмечает, что в настоящий момент развитие робототехники не достигло того уровня развития, при котором уже целесообразно формировать полноценную нормативно-правовую базу, направленную на регулирование правосубъектности автономного робота, а также на определение совокупности его наказания за совершенные противоправные деяния. Однако в данном отношении нужно постоянно держать руку на пульсе, поскольку темпы развития робототехники постоянно растут, и важно осуществлять определенные правовые наработки в данной области, чтобы в нужный момент реализовать их на практике.

При прочтении данной монографии нельзя не учесть, что автором проанализирован огромный массив как отечественной, так и зарубежной литературы в рамках изучаемого вопроса. Опираясь на библиографическую базу исследования, можно сказать, что в монографии представлен анализ работ самых маститых в данной области ученых, и это еще больше увеличивает ее научную ценность и значимость.

Заключение

С учетом всего вышесказанного необходимо подчеркнуть, что настоящее исследование выступает как фундаментальный и актуальный труд, который имеет высокую научно-практическую ценность для науки уголовного права. Представленное проблемное поле в рамках темы исследования позволяет говорить о том, что актуальность ее будет только возрастать. В этой связи опора на рецензируемую монографию при изучении дисциплин в части регулирования уголовно-правовых отношений с участием роботов в юридическом вузе позволит студентам и магистрантам глубоко и всесторонне изучить исследуемый вопрос и получить высоко актуальные и востребованные современным обществом знания.

Соответственно, можно заключить, что рецензируемая монография И. Р. Бегишева «Автономная робототехника в системе уголовно-правовых отношений» на сегодняшний день может занять достойное место в ряду исследований, посвященных уголовно-правовому регулированию технологий искусственного интеллекта и робототехники.

Список источников

1. Bathaee Y. The Artificial Intelligence Black Box and the Failure of Intent and Causation // Harvard Journal of Law & Technology. 2018. Vol. 31. № 2. P. 889–938.

2. Brozek B. Jakubiec M. On the Legal Responsibility of Autonomous Machines // Artificial Intelligence and Law. 2017. Vol. 25. № 3. P. 293–304. Available at: https://doi.org/10.1007/s10506-017-9207-8

3. Desai D. R., Kroll J. A. Trust But Verify: A Guide to Algorithms and the Law // Harvard Journal of Law & Technology. 2017. Vol. 31. P. 1–64.

4. Jaynes T. L. Legal Personhood for Artificial Intelligence: Citizenship as the Exception to the Rule // AI & SOCIETY. 2020. Vol. 35. № 2. P. 343–354. Available at: https://doi.org/10.1007/s00146-019-00897-9

5. Vladeck D. C. Machines Without Principals: Liability Rules and Artificial Intelligence // Washington Law Review. 2014. Vol. 89. № 1. P. 117–150. Available at: https://digitalcommons.law.uw.edu/wlr/vol89/iss1/6

6. Wehner M., Truby R. L. Fitzgerald D. J. An integrated design and fabrication strategy for entirely soft, autonomous robots // Nature. 2016. Vol. 536. № 7671. P. 451–455. Available at: https://doi.org/10.1038/nature19100

7. Габов А. В., Хаванова И. А. Эволюция роботов и право XXI в. // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 435. С. 215–233.

8. Грачева Ю. В., Арямов А. А. Роботизация и искусственный интеллект: уголовно-правовые риски в сфере общественной безопасности // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15, № 6. С. 169–178.

9. Денисов Н. Л. Концептуальные основы формирования международного стандарта при установлении уголовной ответственности за деяния, связанные с искусственным интеллектом // Международное уголовное право и международная юстиция. 2019. № 4. С 18–20.

10. Лаптев В. А. Понятие искусственного интеллекта и юридическая ответственность за его работу // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2019. № 2. С. 79–102.

11. Мосечкин И. Н. Искусственный интеллект и уголовная ответственность: проблемы становления нового вида субъекта преступления // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2019. Т. 10, № 3. С. 461–476.

12. Некрасов В. Н. Уголовная ответственность роботов: актуальные проблемы и направления дальнейшего развития // Государство и право. 2019. № 5. С. 134–140.

13. Хабриева Т. Я., Черногор Н. Н. Право в условиях цифровой реальности // Журнал российского права. 2018. № 1 (253). С. 85–102.

14. Хисамова З. И., Бегишев И. Р. Уголовная ответственность и искусственный интеллект: теоретические и прикладные аспекты // Всероссийский криминологический журнал. 2019. Т. 13, № 4. С. 564–574.

15. Бегишев И. Р. Автономная робототехника в системе уголовно-правовых отношений. — Москва : Проспект, 2022. 160 с.

16. Бегишев И. Р. Уголовно-правовое регулирование робототехники. — Москва : Проспект, 2022. 312 с.

17. Бегишев И. Р. Об обороте роботов, их составных частей (модулей) (инициативный проект федерального закона). — Казань : Изд-во «Познание» Казанского инновационного университета, 2021. 28 с.

18. Бегишев И. Р., Хисамова З. И. Искусственный интеллект и уголовный закон. — Москва : Проспект, 2021. 192 с.

19. Бегишев И. Р., Хисамова З. И. Искусственный интеллект и робототехника: глоссарий понятий. — Москва : Проспект, 2021. 64 с.

20. Бегишев И. Р. Робототехника и право: библиографический указатель. — Москва : Проспект, 2021. 100 с.

21. Бегишев И. Р. Уголовно-правовые и криминологические аспекты применения робототехники // Алтайский юридический вестник. 2020. № 4 (32). С. 72–79.

22. Бегишев И. Р. Технология искусственного интеллекта: мировой опыт развития // Baikal Research Journal. 2020. Т. 11, № 3. DOI: 10.17150/2411-6262.2020.11(3).1

23. Бегишев И. Р. Искусственный интеллект и робот как правовые категории // Безопасность бизнеса. 2020. № 6. С. 32–36.

24. Бегишев И. Р. Концепция развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники: анализ основных положений // Baikal Research Journal. 2020. Т. 11, № 4. DOI: 10.17150/2411-6262.2020.11(4).15

25. Бегишев И. Р. Международно-правовые основы регулирования искусственного интеллекта и робототехники // Международное публичное и частное право. 2021. № 1. С. 37–40.

26. Бегишев И. Р. Робот и искусственный интеллект: вопросы разграничения понятий // Юридическое образование и наука. 2021. № 1. С. 31–36.

27. Бегишев И. Р. Социальная обусловленность уголовно-правового регулирования общественных отношений, связанных с робототехникой и киберфизическими системами // Сибирское юридическое обозрение. 2021. Т. 18, № 1. С. 17–29.

28. Бегишев И. Р. Правовая терминология в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники // Безопасность бизнеса. 2021. № 2. С. 10–14.

29. Бегишев И. Р.Автономные военные роботы — угроза для мира и безопасности человечества? // Военно-юридический журнал. 2021. № 4. С. 3–7.

30. Бегишев И. Р. Создание, распространение, приобретение или применение вооруженных роботов // Российский следователь. 2021. № 5. С. 47–51.

31. Бегишев И. Р. Проект федерального закона «Об обороте роботов, их составных частей (модулей)» // Актуальные проблемы экономики и права. — 2021. Т. 15, № 2. С. 379–391.

32. Бегишев И. Р.Ответственность за вред, причиненный беспилотными транспортными средствами: комплексно-юридические аспекты // Транспортное право и безопасность. 2021. № 2. С. 68–74.

33. Бегишев И. Р. Криминологические риски применения летального автономного оружия // Военно-юридический журнал. 2021. № 6. С. 13–17.

34. Бегишев И. Р. Этика вооруженного конфликта с участием «автономного разума»: проблемно-правовое поле // Право в Вооруженных Силах — Военно-правовое обозрение. 2021. № 6. С. 18–23.

35. Бегишев И. Р. Криминологическая классификация роботов: риск-ориентированный подход // Правоприменение. 2021. Т. 5, № 1. С. 185–201.

36. Бегишев И. Р. Уголовная ответственность за создание и (или) распространение роботов, предназначенных для целей совершения преступлений // Северо-Кавказский юридический вестник. 2021. № 2. С. 140–148.

37. Бегишев И. Р. Наказание автономных роботов: уголовно-правовые перспективы // Проблемы экономики и юридической практики. 2021. Т. 17, № 3. С. 303–313.

38. Бегишев И.Р. Цифровые преступления, совершаемые в отношении роботов / И. Р. Бегишев // Социально-политические науки. 2021. Т. 11, № 3. С. 67-73.

39. Бегишев И. Р. Уголовная ответственность за нарушение правил создания, эксплуатации, ремонта либо иного взаимодействия с роботами и автономными роботами // Baikal Research Journal. 2021. Т. 12, № 2. DOI: 10.17150/2411-6262.2021.12(2).30

40. Бегишев И. Р. Уголовная ответственность за создание, распростра-нение или использование автономных вооруженных роботов // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2021. № 2. С. 84–93.

41. Бегишев И. Р. Проблема определения правосубъектности роботов // Exjure. 2021. № 3. С. 7–16.

42. Бегишев И. Р. Ключевые криминологические риски применения боевых роботов // Уголовная юстиция. 2021. № 18. С. 11–16.

43. Бегишев И. Р. Проблемы правового регулирования робототехники // Алтайский юридический вестник. 2021. № 3 (35). С. 72–79.

44. Бегишев И. Р. Уголовно-правовые средства обеспечения безопасного производства и эксплуатации роботов // Вестник Удмуртского Университета. Серия: Экономика и право. 2021. Т. 31, № 4. С. 706–713.

45. Бегишев И. Р. Пределы уголовно-правового регулирования робототехники // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2021. № 3. С. 96–105.

46. Бегишев И. Р. Ведение войн и боевых действий с участием автономных роботов: этико-правовые аспекты // Право в Вооруженных Силах — Военно-правовое обозрение. 2021. № 8. С. 17–23.

47. Бегишев И. Р. Уголовно-правовое регулирование робототехники: результаты социологического исследования // Социально-политические науки. 2021. № 4. С. 30–36.

48. Бегишев И. Р. Правовое регулирование беспилотных транспортных средств // Транспортное право. 2021. № 3. С. 24–28.

49. Бегишев И. Р. Цифровая терминология: подходы к определению понятия «робот» и «робототехника» // Информационное общество. 2021. № 2. С. 53–66.

50. Бегишев И. Р. Правовое регулирование технологий искусственного интеллекта и робототехники в отдельно взятых странах // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. 2020. № 2 (39). С. 94–96.

51. Бегишев И. Р. Использование роботов при совершении преступлений // Вестник общей и отраслевой теории права. 2021. № 1. С. 59–62.

52. Бегишев И. Р.Доктринальное определение понятия «робот» как правовой дефиниции // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. 2021. № 1 (40). С. 78–81.

References

1. Bathaee Y. The Artificial Intelligence Black Box and the Failure of Intent and Causation. Harvard Journal of Law & Technology.2018;31:889-938.

2. Brozek B., Jakubiec M. On the legal responsibility of autonomous machines. Artificial Intelligence and Law. 2017;25(3):293-304. Available at: https://doi.org/10.1007/s10506-017-9207-8

3. Desai D.R., Kroll J.A. Trust But Verify: A Guide to Algorithms and the Law. Harvard Journal of Law & Technology. 2017;(31):1-64.

4. Jaynes T.L. Legal Personhood for Artificial Intelligence: Citizenship as the Exception to the Rule. AI & SOCIETY. 2020;35(2):343-354. Available at: https://doi.org/10.1007/s00146-019-00897-9

5. Vladeck D.C. Machines Without Principals: Liability Rules and Artificial Intelligence. Washington Law Review. 2014;89(1):117-150. Available at: https://digitalcommons.law.uw.edu/wlr/vol89/iss1/6

6. Wehner M., Truby R.L., Fitzgerald D.J. An integrated design and fabrication strategy for entirely soft, autonomous robots. Nature. 2016;536(7671):451-455. Available at: https://doi.org/10.1038/nature19100

7. Gabov A.V., Havanova I.A. Evolution of robots and the 21st-century law. Vestnik Tomskogo gosudarstvennog ouniversiteta [Bulletin of Tomsk State University]. 2018;(435):215-233. (In Russ.)

8. Gracheva Yu.V., Aryamov A.A. Robotization and Artificial Intelligence: Criminal Law Risks in the Field of Public Security. Aktual'nye problem rossijskogo prava [Actual Problems of Russian law]. 2020;15(6):169-178. (In Russ.)

9. Denisov N.L. Conceptual foundations of international standard for the criminalization of acts related to artificial intelligence. Mezhdunarodnoe ugolovnoe pravo i mezhdunarodnaya yustitsiya [International Criminal Law and International Justice]. 2019;(4):18-20. (In Russ.)

10. Laptev V.A. Artificial Intelligence and Liability for its Work. Pravo. Zhurnal Vysshey Shkoly Ekonomiki [Law. Journal of the Higher School of Economics]. 2019;(2):79-102. (In Russ.)

11. Mosechkin I.N. Artificial intelligence and criminal liability: problems of becoming a new type of crime subject. Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo [Bulletin of St. Petersburg University. Law]. 2019;10(3):461-476. (In Russ.)

12. Nekrasov V.N. Criminal responsibility of robots: actual problem and areas for further development. Gosudarstvo i pravo [State and Law]. 2019(5):134-140. (In Russ.)

13. Habrieva T.Ya., Chernogor N.N. The Law in the Conditions of Digital Reality. Zhurnal rossijskogo prava [Journal of Russian Law]. 2018(1):85-102. (In Russ.)

14. Khisamova Z.I., Begishev I.R. Criminal liability, and artificial intelligence: theoretical and applied aspects. Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal [Russian Journal Criminology]. 2019;13(4):564-574. (In Russ.)

15. Begishev I.R. Autonomous robotics in the system of criminal law relations. Moscow: Prospekt; 2022. 160 p. (In Russ.)

16. Begishev I.R. Criminal law regulation of robotics. Moscow: Prospekt; 2022. 312 p. (In Russ.)

17. Begishev I.R. On the turnover of robots, their components (modules) (initiative draft of the federal law). Kazan: Poznanie; 2021. 28 p. (In Russ.)

18. Begishev I.R. Artificial intelligence and criminal law. Moscow: Prospekt; 2021. 192 p. (In Russ.)

19. Begishev I.R. Artificial intelligence and robotics: a glossary of concepts. Moscow: Prospekt; 2021. 64 p. (In Russ.)

20. Begishev I.R. Robotics and law: a bibliographic index. Moscow: Prospekt; 2021. 100 p. (In Russ.)

21. Begishev I.R. Criminal-legal and criminological aspects of robotics. Altajskijy uridicheskij vestnik [Altai Legal Bulletin]. 2020;(4):72-79. (In Russ.)

22. Begishev I.R. Technology and artificial intelligence: a global perspective development. Baikal Research Journal. 2020;11(3). DOI: 10.17150/2411-6262.2020.11(3).1 (In Russ.)

23. Begishev I.R. Artificial intelligence and robot as legal categories. Bezopasnost' biznesa [Business Security]. 2020;(6):32-36. (In Russ.)

24. Begishev I.R. The concept of the development of regulation of relations in the field of artificial intelligence and robotics technologies: an analysis of the main provisions. Baikal Research Journal. 2020;11(4). DOI: 10.17150/2411-6262.2020.11(4).15 (In Russ.)

25. Begishev I.R. International legal framework to regulate artificial intelligence and robotics. Mezhdunarodnoe publichnoe i chastnoe pravo [Public and Private International Law]. 2021;(1):37-40. (In Russ.)

26. Begishev I.R. Robot and artificial intelligence: the division of concepts. Yuridicheskoe obrazovanie i nauka [Legal Education and Science]. 2021;(1):31-36. (In Russ.)

27. Begishev I.R. Social conditionality of criminal law regulation of public relations related to robotics and cyber-physical systems. Sibirskoe yuridicheskoe obozrenie [Siberian Law Review]. 2021;18(1):17-29. (In Russ.)

28. Begishev I.R. Legal terminology in the field of artificial intelligence and robotics technologies. Bezopasnost' biznesa [Business Security]. 2021;(2):10-14. (In Russ.)

29. Begishev I.R. Autonomous military robots-a threat to the peace and security of mankind? Voenno-yuridicheskij zhurnal [Military Law Journal]. 2021;(4):3-7. (In Russ.)

30. Begishev I.R. Creation, distribution, acquisition or use of armed robots], Rossijskij sledovatel' [Russian Investigator]. 2021;(5):47-51. (In Russ.)

31. Begishev I. R. Draft federal law "On the turnover of robots, their components (modules)". Aktual'nye problem ekonomiki i prava [Russian Journal of Economics and Law]. 2021;15(2):379-391. (In Russ.)

32. Begishev I.R. Liability for damage caused by unmanned vehicles: complex legal aspects. Transportnoe pravo i bezopasnost' [Transportation Law and Security]. 2021;(2):68-74. (In Russ.)

33. Begishev I.R. Criminological risks of the use of lethal Autonomous weapons. Voenno-yuridicheskij zhurnal [Military Law Journal]. 2021;(6):13-17. (In Russ.)

34. Begishev I.R. The Ethics of armed conflict with the participation of "Autonomous mind": the problem of the legal field. Pravo v Vooruzhennyh Silah — Voenno-pravovoe obozrenie [Law in the Armed Forces — Military Legal Review]. 2021;(6):18-23. (In Russ.)

35. Begishev I.R. Criminological classification of robots: a risk-oriented approach. Pravoprimenenie [Law Enforcement]. 2021;5(1):185-201. (In Russ.)

36. Begishev I.R. Criminal liability for the creation and (or) distribution of robots intended for the purpose of committing crimes. Severo-Kavkazskij yuridicheskij vestnik [North Caucasian Law Bulletin]. 2021;(2):140-148. (In Russ.)

37. Begishev I.R. Punishment of autonomous robots: criminal-legal prospects. Problemy ekonomiki i yuridicheskoj praktiki [Problems of Economics and Legal Practice]. 2021;17(3):303-313. (In Russ.)

38. Begishev I.R. Digital crimes committed against robots. Social'no-politicheskie nauki [Social and Political Sciences Social and Political Sciences]. 2021;11(3):67-73. (In Russ.)

39. Begishev I.R. Criminal liability for violation of the rules for the creation, operation, repair or otherwise interact with robots and autonomous robots. Baikal Research Journal. 2021;12(2). DOI: 10.17150/2411-6262.2021.12(2).30 (In Russ.)

40. Begishev I.R. Criminalize the creation, distribution or use of autonomous armed robots. Vestnik Moskovskogo gosudarstvennog ooblastnogo universiteta. Seriya: Yurisprudenciya [Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Jurisprudence]. 2021;(2):84-93. (In Russ.)

41. Begishev I.R. The problem of determining the legal personality of robots. Ex jure. 2021;(3):7-16. (In Russ.)

42. Begishev I. R. Key criminological risks of using combat robots. Ugolovnaya yusticiya [Criminal Justice]. 2021;(18):11-16. (In Russ.)

43. Begishev I.R. Problems of legal regulation of robotics. Altajskij yuridicheskij vestnik [Altai Law Bulletin]. 2021;(3(35):72-79. (In Russ.)

44. Begishev I.R. Criminal-legal means of ensuring the safe production and operation of robots. Vestnik Udmurtskogo Universiteta. Seriya Ekonomika i pravo [Bulletin of the Udmurt University. Series Economics and Law]. 2021;31(4):706-713. (In Russ.)

45. Begishev I.R. Limits of criminal law regulation of robotics. Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo [Bulletin of St. Petersburg University. Law]. 2021;(3):96-105. (In Russ.)

46. Begishev I.R. Conducting wars and combat operations with the participation of autonomous robots: ethical and legal aspects. Pravo v Vooruzhennyh Silah — Voenno-pravovoe obozrenie [Law in the Armed Forces — Military Legal Review]. 2021;(8):17-23. (In Russ.)

47. Begishev I.R. Criminal law regulation of robotics: results of a sociological study. Social'no-politicheskie nauki [Social and Political Sciences]. 2021;(4):30-36. (In Russ.)

48. Begishev I.R. Legal regulation of unmanned vehicles. Transportnoe pravo [Transportation Law]. 2021;(3):24-28. (In Russ.)

49. Begishev I.R. Digital terminology: approaches to the definition of "robot" and "robotics". Informacionnoe obshchestvo [Information Society]. 2021;(2):53-66. (In Russ.)

50. Begishev I.R. Legal regulation of artificial intelligence and robotics in individual countries. Vestnik Barnaul'skogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii [Bulletin of Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia]. 2021;(2(39):94-96. (In Russ.)

51. Begishev I.R. The use of robots in the commission of crimes. Vestnik obshchej i otraslevoj teori i prava [Bulletin of the General and Branch Theory of Law]. 2021;(1):59-62. (In Russ.)

52. Begishev I.R. Doctrinal definition of the concept of "robot" as a legal definition. Vestnik Barnaul'skogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii [Bulletin of Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia]. 2021;(1(40):78-81. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Шутова Альбина Александровна, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин, Ижевский институт (филиал), Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России).

426052, г. Ижевск, Заречное шоссе, д. 23.

shutova1993@inbox.ru, SPIN-код: 5235-4319, Author ID: 835100.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Albina A. Shutova, Candidate of Law Sciences, Associate Professor of the Department of Criminal Law Disciplines of the Izhevsk Institute (branch) All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia).

23 Zarechnoye str., Izhevsk 426052, Russia.

shutova1993@inbox.ru, SPIN code: 5235-4319, Author ID: 835100.

Дата поступления статьи / Received: 11.08.2021.
Дата рецензирования / Revised: 10.09.2021.
Дата принятия статьи к опубликованию / Accepted: 20.09.2021.

V НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА

Бегишев И. Р. Уголовно-правовое регулирование робототехники : монография. Москва : Проспект, 2022. 320 с.

В монографии исследуются вопросы формирования уголовной ответственности за общественно опасные деяния, совершаемые в процессе разработки, производства и применения роботов, а также за деяния, в которых робот используется как предмет преступного посягательства либо как средство совершения преступления. Особое внимание в работе уделено выработке перспективного механизма применения уголовного закона в случае причинения вреда в процессе функционирования автономного робота и уголовно-правовых средств предупреждения и пенализации деятельности, направленной на создание, распространение и использование автономных вооруженных роботов.

Для студентов, аспирантов и преподавателей юридических вузов и факультетов, а также широкого круга читателей, интересующихся вопросами уголовно-правового регулирования робототехники.

Ключевые слова: Робот, робототехника, искусственный интеллект, преступление, наказание, ответственность, цифровые технологии, цифровая экономика

Begishev I. R. Criminal law regulation of robotics : Monograph. Moscow : Prospekt, 2022. 320 p. (in Russ.)

The monograph examines the issues of the formation of criminal liability for socially dangerous acts committed during the development, production and use of robots, as well as for acts in which a robot is used as an object of criminal encroachment or as a means of committing a crime. Special attention is paid to the development of a promising mechanism for the application of criminal law in the event of harm caused during the functioning of an autonomous robot and criminal legal means of preventing and penalizing activities aimed at the creation, distribution and use of autonomous armed robots.

For students, postgraduates and teachers of law schools and faculties, as well as a wide range of readers interested in the issues of criminal law regulation of robotics.

Keywords: Robot, robotics, artificial intelligence, crime, punishment, responsibility, digital technology, digital economy

Аннотация к монографии

Монография представляет собой логический итог цикла публикаций автора, посвященных различным аспектам уголовно-правового регулирования технологий искусственного интеллекта и робототехники, содержит выводы и предложения, сформулированные по результатам проведенных исследований.

Структура книги подчинена достижению поставленной цели и представлена в виде пяти взаимосвязанных глав.

В первой главе приведена оценка имеющихся в научной литературе определений понятия «робот» и «робототехника» с высказыванием позиции об их относимости, всесторонности и актуальности, раскрыта сущность робототехники с позиции как правовых, так и технологических подходов, изучена проблема регулирования отношений, возникающих в процессе разработки, производства и применения роботов и исследованы аспекты формирования регуляторной среды, обеспечивающей благоприятный правовой режим для развития робототехники.

Во второй главе на основе системного анализа обоснована необходимость и целесообразность применения риск-ориентированного подхода к робототехнике как наиболее прогрессивного и эффективного базиса для регулирования рассматриваемых отношений. Определены критерии запроса на уголовно-правовое регулирование робототехники и выявлены основные причины возникновения криминологических рисков, связанные с конструктивными особенностями роботов. Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что основным критерием, разграничивающим гражданско-правовые деликты с применением робототехники от уголовно-правовых деяний, является степень общественной опасности указанных деяний и степень причиненного ущерба от наступивших последствий.

Третья глава посвящена вопросу уголовно-правового обеспечения цифровой безопасности роботов и противодействию неправомерного их использования. Изучаются проблемы обеспечения уголовно-правовыми средствами безопасного производства и эксплуатации роботов и установления уголовной ответственности за создание цифрового кода компьютерной программы робота с заведомо внесенными уязвимостями и робота с недекларируемыми возможностями и за нарушение правил создания, эксплуатации, ремонта либо иного взаимодействия с роботами.

В четвертой главе предложено решение проблем, связанных с отсутствием в УК РФ норм, устанавливающей ответственность за создание и (или) распространение роботов, предназначенных для целей совершения преступления и за создание, распространение, приобретение или применение вооруженных роботов.

В пятой главе исследуется важная для правовой науки проблема определения правосубъектности автономных роботов, рассмотрены ее перспективы. Впервые в доктрине уголовного права, предпринимается попытка комплексно изложить проблему определения границ ответственности за причинение вреда охраняемым уголовным законом интересам в процессе функционирования автономных роботов, разработать и предложить модель уголовно-правовой реакции государства на потенциальную возможность причинения вреда охраняемым законом общественным отношениям, ценностям и интересам в процессе функционирования автономных роботов. В рассматриваемой главе изучаются различные аспекты незаконного оборота автономных вооруженных роботов и вырабатываются уголовно-правовые средства предупреждения и пенализации деятельности, направленной на создание, распространение и использование автономных вооруженных роботов, поскольку их применение представляет повышенную опасность для общественных отношений, обеспечивающих мир и безопасность человечества.

V ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Правила представления рукописей статей в научный журнал «ВИКТИМОЛОГИЯ»

Общие рекомендации

К публикации принимаются рукописи статей, ранее не издававшихся и не предназначенные для одновременной публикации в других изданиях. Рукопись, должна соответствовать тематике и требованиям журнала. Объем статьи — 8–15 стр., формат — А4. После текста статьи размещается запись «*Рукопись вычитана, факты, цитаты, ссылки проверены. Публикуется впервые*» и ставится подпись автора (соавторов). Ставя свою подпись, автор (соавторы) тем самым передает права на издание статьи редакции и выражает согласие на размещение статьи в базе РИНЦ.

Требования к оформлению статей рукописей

- УДК (указывается перед текстом).
- Фамилия и инициалы автора(ов) на русском и английском языках.
- Название статьи заглавными буквами на русском и английском языках.
- Аннотация (150–250 слов) и список ключевых слов в именительном падеже (5–7 слов) на русском и на английском языках.
- Параметры страницы: формат — А4; поля — по 2 см с каждой стороны.
- Редактор — Microsoft Word. Формат текстового файла — doc; docx. Гарнитура — Times New Roman.
- Размер шрифта (кегль) — 14 пт., без уплотнения или разрежения. В таблицах и подписях к иллюстрациям рекомендуется уменьшение размера шрифта до 12 пт.
- Отступ в начале абзаца — 1,25 см.
- Междустрочный интервал — полуторный. Выравнивание текста — по ширине.
- Автоматическая расстановка переносов не допускается.
- Цитируемая в статье литература приводится *в алфавитном порядке* в виде пронумерованного списка. Отсылки к списку литературы даются в тексте в квадратных скобках (ГОСТ Р 7.0.5.-2008).
- Авторские примечания (не являющиеся названием используемой литературы или ссылкой на источник) размещаются в постраничных сносках.
- После статьи размещается информация об авторе(ах): фамилия, имя, отчество (полностью), ученая степень, ученое звание, должность, полное наименование места работы, город, адрес электронной почты автора.

С рукописью необходимо предоставить:

1. Файл со статьей, оформленной надлежащим образом. В наименовании файла указывается фамилия автора или первого из соавторов (например, «Иванов.doc»).
2. Сведения об авторе(ах) (форма размещена на сайте издания), ORCID.
3. Аспиранты и соискатели ученой степени кандидата наук должны предоставлять рецензию, подписанную научным руководителем и заверенную печатью учреждения (оригинал на бумажном носителе или отсканированную копию).

Подготовленные материалы необходимо направить по адресу электронной почты:
victimologiy@mail.ru.
В случае отказа в публикации редакция обязуется мотивировать свое решение.
Редакция оставляет за собой право редактировать статьи и сокращать материал.
Авторский экземпляр номера журнала высылается на указанный в заявке адрес наложенным платежом.

ВИКТИМОЛОГИЯ
2021. Т. 8, № 3.
Дата подписания 08.10.2021. Дата выхода в свет 15.10.2021. Формат 70×108/16.
Усл. печ. л. 6,91. Тираж 150 экз. Заказ № 427.
Цена свободная
Отпечатано в издательстве Челябинского государственного университета
454021, г. Челябинск, ул. Молодогвардейцев, 57-б.

VICTIMOLOGY
2020. Vol. 8, no. 3.

Signing Date: 08.10.2021. Date of publication of the 15.10.2021. Format 70×108/16.
Conventional printed sheet 6,91. Circulation 150 issues. Order no. 427.
Open price

Printed by: Chelyabinsk State University Press.
57-b Molodogvardeytsev street, Chelyabinsk 454021.